Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 152 (3181) Четверг, 24 декабря 1953 г. Цена 40 коп.

РАССКАЗЫВАЮТ ДИРЕКТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВ...

Планы на новый, 1954 год

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

В 1954 году наше издательство выпустит более двухсот названий книг общим тиражом свыше семи миллионов экземпляров. Мы издадим более 130 новых книг советских писателей. Большое место займут произведения, посвященные колхозной деревне. Будут опубликованы книги: М. Стельмаха «Над Черемошем», Ш. Рашидова «Победители», Н. Чертовой «Пути-дороги», И. Котенко «Колхозники», Ф. Певнева «Урожай», В. Тендрякова «Среди лесов», Г. Троепольского «Записки агронома», Т. Журавлева «Комбайнеры».

Среди прозаических произведений будущего года — романы, повести и рассказы на исторические и современные темы: романы В. Пановой «Времена года», Ф. Панферова «Волга-матушка река», А. Первенцева «Матросы», М. Тевелева «Свет ты наш, Верховина...», А. Рыбакова «Одинокая женщина», Ю. Лаптева «Путь открыт», книга рассказов К. Паустовского, повести А. Шарова «Путешествие продолжается», И. Падерина «Сквозь огонь». Революционному прошлому нашего народа посвящены романы: В. Саянова «Лена», Л. Никулина «Душа Москвы», И. Овчаренко «Путь к свободе», азербайджанского писателя М. Гусейна «Утро», эстонского писателя Хинта о жизни эстонских рыбаков и их участии в революции 1905 года. Мы издадим и книгу В. Кожевникова «Люди нового Китая».

Издательство выпустит два сборника лучших рассказов советских писателей, а также сборник «Сатира и юмор».

Поэзия будет представлена «Книгой новых стихов» К. Симонова, стихами Н. Старшинова «У нас в общежитии», В. Тушновой «Дорога на Клухор», Е. Шевелевой «От имени женщин» и другими.

Издательство выпустит свыше 50 книг писателей братских республик; тираж их превысит один миллион экземпляров. Замечательной исторической дате — 300-летию воссоединения Украины с Россией посвящены романы, повести, рассказы и стихи украинских писателей.

Мы выпустим большой роман башкирского писателя К. Мэргэна «На склонах Нарыш-Тау», повесть чувашского писателя А. Талвира «На Буинском тракте», А. Файзи «Тукай» и другие. Национальная поэзия будет представлена стихами и поэмами М. Карима, П. Крученюка, И. Нонешвили, Я. Ухсая, а также двумя сборниками стихов поэтов Удмуртии и Кара-Калпакии. Выйдет третья книга воспоминаний С. Айни «Ученики и наставники».

«Советский писатель» в будущем году познакомит читателей с первыми книгами А. Барышникова «Люди хотят счастья», Н. Давыдовой «Будни и праздники», И. Северцева «Партийное поручение», Н. Харджиева — о жизни художника П. Федотова. Поэты М. Максимов, В. Бахнов и Я. Костюковский выступят с первыми сборниками своих стихов.

Наши молодые литераторы с нетерпением ждут книг, которые помогли бы им овладеть писательским мастерством, познакомили с работой лучших писателей прошлого над своими произведениями. Еще до конца этого года выйдет в свет книга «О писательском труде», куда войдут статьи, речи и отдельные высказывания наших лучших советских писателей. Мы наметили также выпуск трехтомного сборника «Русские писатели-классики о художественном творчестве». В 1954 году выйдут два первых тома. Ценным изданием будущего года явится и сборник «Русские писатели о языке».

Мы издадим 25 книг по литературоведению и критике: А. Фадеева «Статьи и речи», В. Щербины «Алексей Толстой», Б. Буряка «О писателях Западной Украины», В. Куриленкова о Демьяне Бедном, А. Метченко «Творчество Маяковского в советскую эпоху», Я. Эльсберга «Наследие Гоголя и Щедрина и советская сатира», И. Андроникова «Год жизни Лермонтова (1837)», И. Фейнберга «Незавершенные работы Пушкина» и т. д.

Будут переизданы в новом году книги В. Беляева, М. Бубеннова, Н. Задорнова, Л. Леонова, Б. Полевого, Г. Шолохова-Синявского, К. Федина, А. Гудайтис-Гузявичюса и других.

В редакционном портфеле — рукописи новых произведений Г. Медынского, Г. Брянцева, Ф. Кравченко, И. Кремлева.

М. КОРНЕВ,
директор издательства

◇ ◇

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

В новом году тираж выпускаемых нами книг превысит 15 миллионов экземпляров. План мы составляли, естественно, учитывая запросы молодежи, в частности те, которые были высказаны на читательских конференциях.

К знаменательной дате трехсотлетия воссоединения Украины с Россией издательство выпустит сборник очерков об Украине, сборники произведений Я. Галана и А. Гаврилюка, историческую повесть Ю. Мушкетика «Семен Палий», а также сборник стихов русских и украинских поэтов об Украине и братстве народов. Предполагаем выпустить специальный номер альманаха «Молодая гвардия», куда войдут произведения молодых украинских поэтов.

В связи с решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС мы создаем серию книг, обобщающих опыт работы сельских комсомольских организаций. Кроме того, работе комсомольских и пионерских организаций будет посвящено еще свыше двадцати книг тиражом, превышающим два миллиона экземпляров. Среди них следует назвать две повести: Н. Громыко «Секретарь горкома» и Е. Коронатовой «На берегу Черемушки». Выйдет новое издание «Книги вожатого» тиражом свыше 200 тысяч экземпляров.

Из книг будущего года отмечу несколько художественных произведений: «Русский лес» Л. Леонова, «Бескрылые птицы» В. Лациса, «Товарищи по оружию» К. Симонова, «Пограничники» П. Федорова, а также сборник «Америка глазами американцев» (рассказы прогрессивных писателей Америки). Со своими первыми книгами выступят молодые прозаики М. Ганина, А. Степанян, Ф. Шахмагонов, Г. Шеин. В новом году мы издадим сборники стихов поэтов братских республик М. Джалиля, Г. Эмина, Р. Гамзатова и других.

В 1954 году издательство в несколько раз увеличит выпуск научно-фантастической и приключенческой литературы. Издадим: повесть Л. Платова «Страна семи трав» — о приключениях советских геологов, А. Грачева «Тайна Красного озера» — о советских исследователях сибирской тайги, Л. Кудашева «Ледяной остров» — научно-фантастическую повесть об использовании атомной энергии в мирных целях, приключенческий роман В. Иванова «Возвращение», разоблачающий происки англо-американской агентуры на Ближнем Востоке и в Средней Азии, Л. Лагина «Атавия-проксима», В. Лациса «Потерянная родина».

В «Библиотеке путешествий» выйдут: записки участников советской делегации геологов на 19-й сессии Международного конгресса геологов «50 дней в Африке», Ф. Грачева «Глазами советского моряка», С. Обручева «Десять путешествий», Б. Федоровича «Лик пустыни». Выйдет и несколько книг на спортивные темы, в их числе «Записки шахматиста» А. Котова.

Издательство продолжит выпуск произведений из серии «Жизнь замечательных людей», дав читателю книги о Н. Чернышевском, Н. Добролюбове, В. Чкалове и другие (всего 15 книг).

Наряду с новыми произведениями будут переизданы книги Д. Фурманова, Э. Войнич, Р. Джованьоли и другие. В будущем году мы постараемся дать нашей молодежи больше интересной и разнообразной литературы.

И. ВАСИЛЬЕВ,
директор издательства

◇ ◇

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Итог работы нашего издательства за этот год — 175 книг иностранных авторов, выпущенных на русском языке. Мы брали для издания наиболее интересные и важные работы в области физики, химии, математики, биологии, права, философии, экономики, географии, филологии, международных отношений. Выпускались новинки зарубежной художественной литературы.

План наш на 1954 год складывается так: по точным и естественным наукам выпустим 63 книги, общественно-политическим наукам — 74, художественной литературе — 35 книг.

По плану издания художественной литературы мы дадим советскому читателю ряд произведений, являющихся продолжением уже опубликованных: роман венгерского писателя Томаша Ацела «Буря и солнце» — продолжение вышедшей ранее книги «Под сенью свободы»; книга чехословацкой писательницы Марии Пуймановой «Жизнь против смерти» — продолжение уже известных книг «Люди на перепутье» и «Игра с огнем». Издадим исторические романы японского писателя Такакура Тэру — «Воды Хакоэ», бразильского писателя Жоржи Амаду — «Подполье свободы» и другие.

Среди намеченных к печати книг по точным наукам можно назвать работы американских, английских и других авторов по гидродинамике, физике космических лучей. В число 20 книг по биологии и сельскому хозяйству войдут монографии: «Авиационная медицина», «Болезни растений» и другие.

По общественно-политическим вопросам издательство выпустит книги: Фань Вень-ланя — «Новая история Китая», Тим Бака — «30 лет коммунистического движения Канады», значительный труд индийских авторов С. Чаттерджи и Д. Датта «Древняя индийская философия», сборники: «Факты о положении трудящихся в США» и «Сельское хозяйство в Индии», интересную книгу польского автора Кнаппа «Собственность в странах народной демократии».

Издательство продолжает издание художественных произведений и книг по самым различным отраслям науки. В Советском Союзе живо интересуются жизнью за рубежом. Многие выпущенные нами книги расходятся настолько быстро, что их приходится переиздавать по нескольку раз.

П. ЧУВИКОВ,
директор издательства

Лидия ЧУКОВСКАЯ

О чувстве жизненной правды

«Как ни пошло это говорить, — писал Лев Толстой, — но во всем в жизни, и в особенности в искусстве, нужно только одно отрицательное качество — не лгать. В жизни ложь гадка, но не уничтожает жизнь, она замазывает ее гадостью, но под ней все-таки правда жизни... но в искусстве ложь уничтожает всю связь между явлениями, порошком все рассыпается».

Большим художникам присуще повышенное чувство жизненной правды, они с особенной остротой ощущают скрытую связь между явлениями. Острое чувство жизненной правды — источник, стимул, возбудитель творчества. Вглядываясь, вслушиваясь в жизнь, писатель угадывает связь между явлениями, быть может, еще не угаданную никем, и берется за перо, чтобы уяснить ее себе самому и другим.

Эстетическое чувство, то есть способность воспринимать художественное произведение, тоже, в сущности, имеет своим источником не что иное, как обостренное чувство жизненной правды. Другой стороной этого свойства, естественно, является особо острое чутье ко лжи — нюх на всякую фальшь, хотя бы самую малейшую, в поступке, голосе, походке героя романа или актера на сцене.

Писательница Любовь Гуревич в воспоминаниях о Станиславском рассказывает:

«Однажды он сказал мне по какому-то поводу: «Я не могу спокойно вынести ни одной фальшивой ноты. Если я слышу ее у самого любимого, самого близкого мне актера, мне хочется выдернуть ее, как гнилой зуб... Я... я ненавижу...» — и в глазах его при одном воспоминании о чем-то подобном блеснул огонь такой страстной ненависти, какой я еще никогда не видела...»

Страстная ненависть при воспоминании об одной фальшивой ноте! Об одной единственной! Как не хватает этой священной ненависти многим нашим критикам и редакторам и, в первую очередь, работникам детской книги. Да, в первую очередь детской, потому что детская книга обращена к тому читателю, которого ложь развращает более, чем какого-либо другого. Советская литература для детей давно уже научилась говорить с детьми мужественно, прямо и просто о самых сложных, а порой и трагических явлениях жизни; мы можем с гордостью вспомнить не только стихи, рассказы и повести основоположников советской литературы для детей — Маяковского, Гайдара, Маршака, Житкова, но и десятки произведений писателей младшего поколения, где о трудном и тяжком рассказывается, как о трудном и тяжком, — с достоинством, без вранья, сюсюканья и фальши. Однако в детских книгах нередко звучат и «фальшивые ноты», которые хочется выдернуть, «как гнилой зуб».

Бывает, что изображенное писателем положение и жизненно верно и типично, да герои, находящиеся в этом положении, — выдуманные, картонные. Бывает, напротив, что голоса героев звучат убедительно, да положение навязано этим героям нереальное, выдуманное. Бывает, что слова произносятся как будто и подлинные, а интонация — фальшивая, от которой и правдивое слово звучит ложью.

«Налейте-ка им медку, мамо! Чтоб росли да поднимались, як дубы могучи, як соколы вольны, комсомолу на подмогу, нам на радость!» — говорит в повести В. Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи» председатель колхоза, угощая пионеров за колхозным столом. Что это с ним? С чего это он вдруг вообразил себя Тарасом Бульбой и ударился в высокую патетику? И времена не те и обстоятельства не те... Ведь он просто-напросто потчует ребятишек, приехавших погостить в колхоз на лето, а не провожает в Запорожскую Сечь своих чубатых сынов. Неуместно патетическая интонация — опасная вещь: того и гляди, человеку, у которого голос дрожит без всякого повода, и захочешь поверить — не поверишь... А не поверишь голосу героя — сразу усомнишься в подлинности обстановки и в искренности выражаемых чувств.

В трилогии В. Осеевой есть одно характерное место. Девочки и мальчики, пережившие ужасы фашистской оккупации и, как уверяет нас писательница, спаянные между собой верной и нежной дружбой, возвращаются, наконец, в родной город. «Школочка, миленькая! Что там сейчас?» — в припадке умиления думают девочки, завидев издали свою школу. Вернувшись в родной город, девочки и мальчики вместе, всем отрядом принялись помогать взрослым ремонтировать здание новой школы, вместе готовились к экзаменам, вместе дежурили в госпитале. Их взаимная привязанность сильна и нежна: когда один из мальчиков позволил себе насмешливую реплику по адресу родителей Нюры Синицыной, Васек немедленно его оборвал: «Над этим нельзя смеяться, — это родители нашей подруги. Как тебе не стыдно, Мазин!».

Но вот девочки, о которых мальчики говорили, что они «самые лучшие люди из всего класса», и мальчики, глубоко уважающие своих подруг, узнают, что им предстоит учиться отдельно. Как же отнеслись девочки к вести о предстоящей разлуке с друзьями, без которых на протяжении двух с половиной томов они и дня не могли прожить? Заплакали? Притихли? Задумались?

«— Для нас? Отдельная девочкина школа? — живо переспросила Лида и вдруг вскочила: — Слышишь, Нюра? Наша, девочкина, школа будет!».

Логика чувств диктовала Лиде не радость, а огорчение, но что-то другое побудило писательницу заставить свою героиню обрадоваться. Что же именно? Соответствующий циркуляр Министерства просвещения? Или то обстоятельство, что дружба мальчиков и девочек, на изображение которой потрачено столько восклицаний, — такая же картонная, бутафорская, как, например, украинский колхоз, где они сблизились особенно тесно? Не то беда, что этот рядовой колхоз изображен уж слишком богатым (в нашей стране и колхозы-миллионеры не диковинка), беда, что в этом колхозе все излишне нарядное, голубое... Коровы живут там в «хоромах», «скот такой, что когда идет по улице, так земля дрожит», «пшеница... уродилась — чистое золото»; стога «огромные, как дома»; и люди, соответственно, «все хорошие». У председателя этого голубого колхоза «могучий шаг», «статная фигура», «ровные белые зубы»... Еще бы! Оперному колхозу под стать и оперный председатель... Вся эта нарочитая голубизна не может не вызывать острого чувства нарушения жизненной правды. А когда жизненная правда нарушена надуманностью положений, сусальностью радости, излишней крикливостью горя, тогда и поступки героев диктуются не железной психологической необходимостью, а произволом автора: захочет автор — девочка заплачет, захочет — обрадуется. «Связь между явлениями» нарушена — «порошком все рассыпается», как говорил Толстой.

В 1952 году в № 3 журнала «Мурзилка» появился рассказ А. Алексина «Два подарка». Рассказ этот представляется столь удачным редакции Детгиза, что в 1953 году она напечатала его дважды: в 100 тысячах экземпляров в сборнике «Живые дела» и в 50 тысячах — в сборнике «Дети нашей Родины». Сюжет рассказа не сложен: папа, Майя и Павлик пошли в магазин и купили маме ко дню рождения шелковое платье. Вы думаете, мама расцеловала ребятишек, надела платье и побежала к зеркалу? Нет, так бывает в действительной жизни, а не в поучительных побасенках.

«Мама взволнованно поправила волосы, на которых еще искрились нерастаявшие снежинки, и взяла в руки платье.

Вдруг она заметила белую бумажку на рукаве и стала ее разглядывать.

...Мамины глаза вдруг так потеплели, что Майя даже испугалась: а вдруг мама расплачется?

— Спасибо, родные мои! — сказала мама. — Вы мне сделали сегодня целых два подарка.

— Где же два? — удивился Павлик.

— Именно два! Первый подарок — это чудесное платье, а второй — эта маленькая бумажка, на которой написано, что платье сшито на нашей фабрике!

Слова «наша фабрика» мама всегда произносила с гордостью.

А позже, когда все сели за стол, мама сказала:

— Теперь вы видите, что наша продукция и в самом деле отличная?

— Ага, видим! — за всех ответил Павлик и радостно заерзал на стуле: он понял наконец, что значит слово «продукция».

Жаль, что редактор обоих сборников, в которых перепечатан рассказ, не «понял наконец», что выпускаемая им «продукция» далеко не отличная. Прочитав этот рассказ в журнале «Мурзилка», ему следовало испытать прилив той страстной ненависти, о которой писал Станиславский, а он вместо этого преподнес «Два подарка» в подарок детям. Каждое слово приведенного отрывка — безвкусица, фальшь и ложь — от дежурных снежинок, искрящихся в маминых волосах, до майиного испуга: не заплачет ли мама при виде этикетки родной фабрики; от слащавого восклицания мамы: «Спасибо, родные мои!» — до Павлика, блаженно ерзающего на стуле потому, дескать, что он постиг, наконец, что такое «продукция». В нашей стране немало тружеников, в самом деле, искренно, не для риторических фигур, с гордостью произносящих слова «наша фабрика», — зачем же культивировать фальшивый, сюсюкающий дидактизм, доведенный до масштабов столь колоссальных, что рассказ, написанный с благими намерениями, начинает звучать, как пародия?

Такой же пародией — только уже не на хрестоматийный рассказ, а на «школьную повесть», — звучит другое произведение А. Алексина — «Отряд шагает в ногу». Несмотря на то, что многие главы аккуратно кончаются или начинаются описанием природы; несмотря на то, что каждому герою аккуратно приданы некоторые черты внешности и поведения: Геня «суетливый», Женя «горячий», а Боря постоянно по привычке «ерошит волосы»; несмотря на то, что они ссорятся, мирятся, учат уроки, катаются на коньках и проводят пионерские сборы совсем как в настоящей, «всамделишной» повести, — это, по сути дела, не повесть, а нечто вроде сборника примеров: вот пример на правильно понятое и на неправильно понятое товарищество; на правильное и на неправильное сочетание уроков с общественными делами; на чуткое и нечуткое отношение к больному товарищу. Есть тут и «улыбающийся в усы», скромный, но мужественный Герой Советского Союза, объясняющий детям, что «долг, учеба — превыше всего!»; есть и простая, но мудрая бабушка, великолепно усвоившая вредоносность суховеев; и проницательный отец, умело и своевременно разъясняющий сыну его ошибку; и добродетельный председатель совета отряда Ваня. Звучит тут и спокойный голос Пети: «Я не собираюсь отводить удара от Вани, хоть он и лучший мой друг», и восклицание другого пионера: «Этот сбор должен стать переломным моментом в жизни класса!»; описаны тут, конечно, и «большой школьный двор, до отказа набитый разноголосым гомоном», и «тишина, до отказа наполнявшая коридор», и «молодость, бодрость, веселье», которые «завладели катком», и «торжественная тишина», которая «завладела залом», и, наконец, «мохнатые ветви праздничной елки», которые не «завладели», а «дрожали и переливались всеми цветами». Это не книга, а некое «литературно-педагогическое мероприятие» по использованию всего реквизита «школьной повести». Тут нечему и рассыпаться в порошок, — ни одной страницы не коснулось вдохновение, а следовательно, и жизнь. Все гладко, чисто и... пусто. Дети и взрослые, образы которых пытался создать А. Алексин, не увидены, не встречены им, а почерпнуты из привычного ассортимента исполнительных, хотя и ошибающихся председателей совета отряда, старых учительниц, которые двигаются легко, совсем как молодые, и учительниц молодых, кочующих по страницам детских книг и отличающихся одна от другой разве что по имени и отчеству. Марине Ивановне (из повести В. Осеевой), совершающей во время оккупации геройские поступки, безусловно, следовало бы иметь характер, но вместо характера ей отпущены автором лишь лучистые глаза и родинка на щеке; учительницы из других книг и родинками не отмечены: у одной — «лакированная сумочка», у другой — «голубые глаза», у третьей — «мягкие руки» — и все тут.

Иные очеркисты «Пионерской правды» расправляются с образами учителей просто: к учителям прикреплены некие постоянные эпитеты: «учительница, спокойная и ласковая, заботливо усадила... Олега за парту...», «Ласково смотрит учительница на крепких, стройных юношей...». Глазам же более высоких начальствующих лиц — товарищам из роно, секретарям райкомов, директорам МТС, Героям Советского Союза — детские писатели дружно присвоили приятную веселость и легкую насмешливость. «Глаза веселые, насмешливые», — сообщает о директоре МТС пионер во 2-й книге трилогии Осеевой; «...в живых, блестящих глазах его мелькнул лукавый огонек», — говорится о секретаре райкома в 3-й книге; «темными веселыми глазами» награждает Я. Тайц Героя Советского Союза в рассказе «Кешка-головешка». Что же касается детей, то они распевают задорные песни и смеются звонким смехом... Не тот ли это смех, над которым с такой горечью смеялся Б. Житков, издеваясь над неуместными восторгами иных писателей перед «загорелыми мордашками» и «веселым искристым смехом»?

Все эти искрящиеся снежинки и крепкие, стройные юноши; все эти лукавые огоньки в глазах и звонкие голоса суть то, что называется литературным штампом. Конечно, всякий штамп — сигнал бедствия: если писатель хватается за готовое, значит, он не видит свежего, у него нет своего. Но штампы, приведенные мною выше, особенно злокачественны: ласковые, заботливые руки, задорные песни, стога, как дома, «красивые здания с просторными классами», выросшие, как уверяет нас писатель Я. Тайц, «словно по волшебству», пионерские лагери, изображенные тем же писателем в одном из его рассказов в виде голубых палат, где живут кудрявые хохотуньи; эта опытно-показательная школьница из повести А. Алексина, которая поучает своих товарищей тоном классной дамы: «— Фу, как не стыдно радоваться срыву урока! Неужели вы не любите учиться?» — весь набор нравоучительных фраз и многократно повторяющихся характеристик и положений играет в нашей детской литературе — а следовательно, и в жизни наших детей — чрезвычайно вредную роль. Покрывая действительность розовой сахарной глазурью, они приучают ребенка к мысли, будто книга — это одно, а жизнь — совсем другое, они разоружают его, из зоркого делают близоруким. Реплика тетки Васька Трубачева, возмущенной тем, что школьный сторож вздумал сторожить стройматериалы, весьма характерна:

«— Ну, это уж напрасно! — Кто ж это из школы материал унесет! Да таких злодеев-то во всем городе не найдется. Экий подозрительный старик стал!».

Не отменить ли вообще профессию сторожа и не заняться ли всем излишне «подозрительным старикам» игрой на скрипке или вязаньем? В самом деле, «кто ж это из школы материал унесет»? Впрочем, будем снисходительны к тетке Васька Трубачева: ангельская наивность этой почтенной женщины вызвана, повидимому, тем, что она начиталась рассказов из сборника «Дети нашей Родины».

Многие рассказы из этого сборника действительно наводят на мысль, что у нас уже нет ни воровства, ни хулиганства, ни грубости, ни невежества, ни бюрократизма, что давно уже изжиты, отошли в прошлое факты расхищения социалистической собственности и случаи умышленного раздувания национальной вражды, а потому писателям только и осталось забот, что следовать примеру близорукого и умиленного «солнышка», воспетого недавно в журнале «Мурзилка»:

Встало утром солнышко
И гулять отправилось,
И на нашей улице
Все ему понравилось.

...Ханжество — болезнь опасная и заразительная. Она приводит к нарушению художественной правды в литературе и к злокачественному лицемерию в жизни. Она приучает растущего человека закрывать глаза на те стороны действительности, с которыми он должен бороться, приучает его заимствовать чужие, холодные фразы, вместо того чтобы искать собственные слова, — горячие, точные, иногда негодующие, — собственные, свои слова для собственных мыслей и чувств.

Международные отклики

◇

ИНОСТРАННАЯ ПЕЧАТЬ О ЗАЯВЛЕНИИ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Заявление Советского правительства по поводу выступления президента США Эйзенхауэра 8 декабря 1953 года находится в центре внимания мировой печати.

В этом заявлении, как известно, Советское правительство выразило готовность принять участие в конфиденциальных или дипломатических переговорах относительно предложения, сделанного Эйзенхауэром, и выдвинуло новое предложение, направленное на предотвращение угрозы атомной войны и уменьшение международной напряженности, а именно: достигнуть соглашения, по которому участники его приняли бы на себя торжественное и безоговорочное обязательство не применять атомного, водородного и другого оружия массового уничтожения.

Заявление Советского правительства вызвало многочисленные отклики и комментарии американской печати и официальных представителей США. 21 декабря выступил государственный секретарь Даллес. «В своем ответе Советский Союз, — заявил он, — выражает готовность принять участие в конфиденциальных или дипломатических переговорах по поводу предложений президента. Это обнадеживает. В то же время Советский Союз в своем ответе критикует предложение президента на том основании, что оно не устраняет угрозы атомного оружия. В нем также излагаются прежние позиции, занятые Советским Союзом».

К этому Даллес добавил, будто «Советский Союз, видимо, не разобрался в духе предложения президента». Судя по утверждениям государственного секретаря США, он предпочел представить существо заявления Советского правительства в искаженном виде.

Таков тон, заданный государственным департаментом. Его придерживаются и комментаторы газет и члены конгресса в своих высказываниях. Все они упорно обходят существо предложения СССР, а оно, как это ясно вытекает из заявления Советского правительства, предусматривает принятие государствами на себя торжественного и безоговорочного обязательства не применять атомного, водородного и другого оружия массового уничтожения.

Газета «Нью-Йорк таймс», например, пишет, что советское предложение якобы — «лишь новый вариант советского требования немедленного и безоговорочного запрещения такого оружия» (то есть оружия массового уничтожения. — Лит.). Вместе с тем некоторые американские комментаторы вынуждены признать, как это делает, например, дипломатический обозреватель газеты «Вашингтон пост», что заявление Советского правительства, «очевидно, встретит широкий отклик во всем мире, стремящемся найти выход из атомной гонки вооружений».

В Лондоне на пресс-конференции в английском министерстве иностранных дел 22 декабря представитель министерства сообщил, что в заявлении Советского правительства содержится лишь «повторное изложение советской точки зрения по вопросам атомной энергии с добавлением выражения готовности обсудить предложение Эйзенхауэра».

Многие английские буржуазные газеты также искажают существо советского предложения. Так, «Манчестер гардиан» безосновательно утверждает, будто заявление Советского правительства ведет к «бесконечному старому спору». Судя по сообщению агентства Рейтер, в лондонских дипломатических кругах не возлагают «слишком больших надежд на возможность достижения соглашения между Востоком и Западом о прекращении гонки атомного вооружения». Ряд газет, в том числе «Дейли экспресс», «Дейли геральд», комментируют в благожелательном духе советское заявление. «Дейли экспресс» называет его «вестью надежды, облетевшей весь мир», а «Дейли геральд» пишет в редакционной статье: «Сейчас вместо тупика появился подлинный проблеск надежды. Руководители Советского Союза не только согласились на переговоры. Весь их ответ звучит разумно».

Заявление Советского правительства также широко комментируется печатью Франции и других западноевропейских стран.

Газеты стран народной демократии расценивают советское предложение, как новую мирную инициативу Советского Союза, направленную на смягчение международной напряженности. Польские газеты посвящают этому документу передовые и редакционные статьи. «Трибуна люду» в передовой статье, озаглавленной «Мир ожидает ответа», пишет: Советское правительство выразило готовность принять участие в переговорах и одновременно, оставаясь верным своей последовательной политике, выдвинуло предложение, чтобы государства приняли на себя торжественное и безоговорочное обязательство не применять атомного, водородного и другого оружия массового уничтожения.

Обширные редакционные статьи в связи с заявлением Советского правительства опубликованы во всех венгерских газетах. Венгерская печать подчеркивает, что заявление Советского правительства проникнуто чувством ответственности за судьбу человечества и благородным стремлением оградить мир от ужасов атомной и водородной войны. Газета «Сабад нэп» указывает, что предложение Советского Союза «выражает жизненные интересы народов всего мира». Об этом же пишет и чехословацкая печать. «Народ Чехословакии, так же как и народы Советского Союза и стран народной демократии, — подчеркивает газета «Руде право», — полон решимости сделать все возможное для устранения атомной угрозы, для ослабления международного напряжения и укрепления прочного мира». Болгарская газета «Работническо дело», комментируя советское предложение, также подчеркивает, что «болгарский народ, непрестанно стремящийся к укреплению мира и дружбы между народами, полностью одобряет новый великий вклад Советского Союза в борьбу за дело мира».

Широкие круги общественного мнения видят в заявлении Советского правительства новое яркое доказательство глубокой заботы Советского Союза об ограждении человечества от смертоносного атомного и водородного оружия.

ЛИТЕРАТОР

К 300-летию ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

В честь великого праздника

* **Крепнет дружба** трудящихся двух районов, имеющих славное историческое прошлое: Можайского (Московская область), где произошло знаменитое Бородинское сражение, и Переяслав-Хмельницкого (Киевская область), где был принят акт о воссоединении Украины с Россией. В результате поездки делегации переяславских колхозников в гости к подмосковным друзьям они заимствовали их богатый опыт ведения передового хозяйства. Недавно группа колхозников Можайского района в свою очередь приехала в гости к украинским друзьям, чтобы совместно обсудить, как лучше и быстрее осуществить решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС по дальнейшему развитию сельского хозяйства. Соревнование между колхозниками этих двух районов стало массовым: соревнуются колхоз с колхозом, бригада с бригадой, колхозник с колхозником.

* **Группа киевских писателей** ездила в Переяслав-Хмельницкий, где состоялся большой литературно-художественный вечер. Его открыл Ю. Збанацкий. С чтением своих произведений выступили М. Стельмах, Д. Белоус, Б. Палийчук. Литературно-художественные вечера в Переяслав-Хмельницком будут проводиться Союзом советских писателей Украины ежемесячно.

* **Вечера, доклады, лекции**, посвященные великой дате воссоединения Украины с Россией, состоятся в Горьком. Старый русский город, раскинувшийся на берегах Волги и Оки, тысячами нитей связан с украинским народом, с его многовековой культурой. Вместе со всей страной горьковчане участвовали в боях за освобождение Украины от фашистских захватчиков, оказывали помощь в восстановлении ее заводов и фабрик.

В большом зале Сормовского дворца культуры устраивается вечер дружбы народов СССР, библиотека дворца проводит цикл докладов об украинской прозе, поэзии и драматургии. Кроме того, во дворце организуется выставка литературы, посвященная воссоединению Украины с Россией.

На сцене театра драмы имени Максима Горького с большим успехом идет пьеса украинского драматурга В. Минко «Не называя фамилий». Пьесу посмотрели уже 60 тысяч зрителей.

В Комитете по Сталинским премиям в области науки и изобретательства при Совете Министров СССР

Комитет по Сталинским премиям в области науки и изобретательства принимает работы на соискание Сталинских премий за 1953 год.

К рассмотрению принимаются:

а) научные, научно-популярные труды и учебники, опубликованные в 1951, 1952 и 1953 гг. и получившие высокую оценку широкой научной общественности (рукописи к рассмотрению не принимаются);

б) выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы, освоенные и внедренные в народное хозяйство в 1951, 1952 и 1953 годах.

Указанные выше работы представляются научными учреждениями, высшими учебными заведениями, министерствами, ведомствами и общественными организациями. Непосредственно от авторов работы не принимаются.

Предложения о присуждении Сталинских премий за 1953 г. направлять до 15 февраля 1954 г. по адресу: Москва, ул. Жданова 11, Комитет по Сталинским премиям в области науки и изобретательства при Совете Министров СССР.

СОВЕТСКИЙ НАРОД НИКОМУ НЕ ПОЗВОЛИТ ПОСЯГАТЬ НА ЧЕСТЬ И СВОБОДУ РОДИНЫ!

Опубликование материалов о вредительских злодеяниях презренного шпиона и предателя, агента международного империализма Берия и его грязных приспешников взволновало всех советских людей. Грозный вал народного гнева прокатился по нашей великой стране, по городам и селам социалистических республик, спаянных нерушимой дружбой.

На заводах и в колхозах, в учреждениях и воинских частях, в научных институтах и творческих организациях проходят многолюдные митинги и собрания. Рабочие, колхозники, инженеры, агрономы, ученые, писатели словами, идущими из самого сердца, высказывают пламенное возмущение подлыми преступниками, которые пытались посягнуть на советский рабоче-крестьянский строй, хотели восстановить в нашей стране господство капитализма.

Едины мысли, едины чувства народов СССР.

В монолитную семью слиты советские люди всех национальностей, труженики промышленности и сельского хозяйства, науки и культуры. Тесно сплоченные вокруг родной Коммунистической партии и Советского правительства, мы уверенно идем к коммунизму. И никогда никаким врагам не свернуть нашу партию, наши народы с этого гордого и светлого пути!

Писатели всей страны присоединяют к этим священным мыслям и чувствам свой голос.

Повысим революционную бдительность!

Безграничны ненависть и презрение советского народа к предателям и изменникам Родине. Преступления Берия и его бандитской шайки вызвали гнев всего советского народа.

На предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях Ленинграда, в колхозах и МТС Ленинградской области проходят многолюдные собрания. Трудящиеся обсуждают сообщение Прокуратуры СССР. Вместе со всем советским народом ленинградцы гневно клеймят агента международного империализма Берия и его сообщников.

В Доме писателя имени В. В. Маяковского собрались ленинградские литераторы. В своих выступлениях они выразили чувство гнева и возмущения преступной деятельностью Берия и его банды.

—Эти презренные выродки действовали гнусными методами, заимствованными ими из арсенала своих зарубежных хозяев, — говорил А. Бартэн.— Берия и его кровавая шайка убийц и предателей пытались сеять национальную рознь среди народов нашей страны, совершали убийства, запугивали честных работников.

Они направляли свои преступные действия против советского строя, против свободной и счастливой жизни советских людей.

О нерушимом единении партии, правительства и народа, о необходимости повышения революционной бдительности — этого испытанного нашего оружия в борьбе против всех и всяких врагов Советского государства говорили О. Берггольц, Г. Мирошниченко, Н. Луговцов.

— Маска с врагов сорвана, обнажилось их звериное обличье! — сказал в своем выступлении А. Дымшиц.— Берия и его подручные — разбойники и убийцы — ненавидели советский народ, они хотели реставрировать капитализм и возродить господство буржуазии в нашей стране.

— Врагам, посягнувшим на самое дорогое и священное — на свободу и независимость нашей Родины, не может быть места на земле,— сказал П. Журба.

В резолюции, единодушно принятой собранием, говорится:

«Мы, ленинградские писатели, заверяем Центральный Комитет партии и Советское правительство, что еще теснее сплотимся вокруг Коммунистической партии и отдадим все свои силы и дарования делу победоносного коммунистического строительства в нашей стране».

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

Дружба народов крепка, как сталь

Законной гордостью переполняется сердце советского человека, когда он обозревает грандиозный путь, пройденный нашей страной за последние десятилетия. Везде, в каждой братской республике, видим мы осуществление мудрых предначертаний нашей родной Коммунистической партии, свершение ее великих планов. Небывалого хозяйственного и культурного расцвета достигла и моя родная Грузия. Это стало возможным только благодаря помощи великого русского народа и всех братских народов нашей страны, спаянных нерушимой дружбой.

Наша жизнеутверждающая дружба неизмеримо расширила содержание слова Родина, слова, которое свято и дорого сердцу каждого честного, благородного человека.

У таких гиен, как Берия и его подручные, Родины нет и быть не может. Эти презренные наймиты иностранного капитала хотели посеять рознь и вражду между братскими народами Советского Союза, между народами Закавказья.

Грузинские писатели вместе со всеми трудящимися Грузии, вместе со всем советским народом клеймят преступную деятельность потерявших человеческий облик изменников — Берия и его бандитов.

Безгранична наша ярость, беспределен и грозен наш гнев.

Александр **ЧЕЙШВИЛИ**

ТБИЛИСИ

Наша сила в нерушимом единстве партии, правительства и народа

Коварный враг, подлейший из самых подлых предателей, Берия своей многолетней подрывной работой стремился отнять у советских народов их великие завоевания и прежде всего их свободу и независимость. Народам Закавказья, трудящимся Азербайджана, Грузии и Армении грязный шпик и наймит империалистов Берия нанес очень много вреда. Он всячески поддерживал буржуазно-националистические элементы. Он хотел вызвать вражду между азербайджанским, грузинским и армянским народами. Он посягал на самое святое — на наш союз и дружбу с великим русским народом.

У Берия и его приспешников не было ни чести, ни совести, своим гнусным двурушничеством они превзошли всех известных человечеству злодеев и подлецов.

Священная великая дружба советских народов была, есть и будет залогом наших успехов, залогом мощи и непобедимости Советского государства. В братской дружбе и союзе с великим русским народом и с его помощью все республики Советского Союза достигли небывалых успехов в развитии социалистического хозяйства и культуры, в строительстве коммунизма.

Берия и его ничтожные сообщники пригвождены к позорному столбу. Пусть злобствуют и беснуются империалисты — те, кому угодливо служили эти выродки.

Все советские люди еще теснее сплотятся вокруг нашей Коммунистической партии и ее Центрального Комитета, вокруг Советского правительства. В нерушимом единстве партии, правительства и народа — наша великая сила.

Мехти **ГУСЕЙН**

БАКУ

Да будут прокляты имена изменников и предателей!

Перед судом народа предстали чудовищные преступники — клика Берия, шайка изменников Родине, презренных заговорщиков-перерожденцев, предателей, которые пытались посеять вражду и рознь между народами нашего великого Союза, подорвать нерушимую дружбу всех советских народов с великим русским народом.

Осуществление черных замыслов этих агентов международного империализма означало бы неисчислимые бедствия для всех народов Советского Союза, в том числе и для нашего литовского народа, который при помощи русских братьев освободился от ига капитализма и сейчас строит коммунизм.

Войдя в братскую семью народов СССР, литовский народ добился небывалых достижений в области экономики и культуры. Поэтому он никому не позволит посягать на свободу и честь своей великой Родины — Союза Советских Социалистических Республик.

Да будут прокляты имена презренных предателей — Берия и его подручных!

Александр **ГУДАЙТИС-ГУЗЯВИЧЮС**

ВИЛЬНЮС

В ВЕРХОВНОМ СУДЕ СССР

18—23 декабря 1953 года Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР в составе:

Председательствующего — Председателя Специального Судебного Присутствия Маршала Советского Союза Конева И. С. и членов Присутствия: Председателя Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов Шверника Н. М., первого заместителя Председателя Верховного Суда СССР Зейдина Е. Л., генерала армии Москаленко К. С., Секретаря Московского областного Комитета КПСС Михайлова Н. А., Председателя Совета Профессиональных Союзов Грузии Кучава М. И., Председателя Московского городского суда Громова Л. А., первого заместителя Министра внутренних дел СССР Лунева К. Ф. рассмотрело в закрытом судебном заседании, в порядке, установленном Законом от 1 декабря 1934 года, уголовное дело по обвинению Берия Л. П. и других.

В соответствии с обвинительным заключением, суду были преданы: Берия Л. П. по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1 «б», 58-8, 58-13, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР; Меркулов В. Н., Деканозов В. Г., Кобулов Б. З., Гоглидзе С. А., Мешик П. Я., Влодзимирский Л. Е. по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1 «б», 58-8, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Судебное следствие полностью подтвердило материалы предварительного следствия и предъявленные всем подсудимым обвинения, изложенные в обвинительном заключении.

Судом установлено, что, изменив Родине и действуя в интересах иностранного капитала, подсудимый Берия сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков, в которую вошли связанные с Берия в течение многих лет совместной преступной деятельностью подсудимые Меркулов В. Н., Деканозов В. Г., Кобулов Б. З., Гоглидзе С. А., Мешик П. Я. и Влодзимирский Л. Е. Заговорщики ставили своей преступной целью использовать органы Министерства внутренних дел против Коммунистической Партии и Правительства СССР, поставить Министерство внутренних дел над Партией и Правительством для захвата власти, ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии.

Суд установил, что начало преступной изменнической деятельности Берия Л. П. и установление им тайных связей с иностранными разведками относится еще ко времени гражданской войны, когда в 1919 году Берия Л. П., находясь в Баку, совершил предательство, поступив на секретно-агентурную должность в разведку контрреволюционного муссаватистского правительства в Азербайджане, действовавшую под контролем английских разведывательных органов.

В 1920 году Берия Л. П., находясь в Грузии, вновь совершил предательство, установив тайную связь с охранкой грузинского меньшевистского правительства, также являвшейся филиалом английской разведки.

В последующие годы, вплоть до своего ареста, Берия Л. П. поддерживал и расширял тайные связи с иностранными разведками.

На протяжении многих лет Берия Л. П. и его соучастники тщательно скрывали и маскировали свою вражескую деятельность.

После кончины И. В. Сталина, делая ставку на общую активизацию реакционных империалистических сил против Советского государства, Берия Л. П. перешел к форсированным действиям для осуществления своих антисоветских изменнических замыслов, что и позволило в короткий срок разоблачить Берия Л. П. и его соучастников и пресечь их преступную деятельность.

Став в марте 1953 года министром внутренних дел СССР, подсудимый Берия Л. П., подготовляя захват власти, начал усиленно продвигать участников заговорщической группы на руководящие должности как в центральном аппарате МВД, так и в его местных органах. Берия Л. П. и его сообщники расправлялись с честными работниками МВД, отказывавшимися выполнять преступные распоряжения заговорщиков.

В своих антисоветских изменнических целях Берия Л. П. и его соучастники предприняли ряд преступных мер для того, чтобы активизировать остатки буржуазно-националистических элементов в союзных республиках, посеять вражду и рознь между народами СССР и в первую очередь подорвать дружбу народов СССР с великим русским народом.

Действуя как злобный враг советского народа, подсудимый Берия Л. П., с целью создания продовольственных затруднений в нашей стране, саботировал, мешал проведению важнейших мероприятий Партии и Правительства, направленных на подъем хозяйства колхозов и совхозов и неуклонное повышение благосостояния советского народа.

Установлено, что, скрывая и маскируя свою преступную деятельность, подсудимый Берия Л. П. и его соучастники совершали террористические расправы над людьми, со стороны которых они опасались разоблачений. В качестве одного из основных методов своей преступной деятельности заговорщики избрали клевету, интриги и различные провокации против честных партийных и советских работников, стоявших на пути враждебных Советскому государству изменнических замыслов Берия Л. П. и его сообщников и мешавших им пробираться к власти.

Судом установлено, что подсудимые Берия Л. П., Меркулов В. Н., Деканозов В. Г., Кобулов Б. З., Гоглидзе С. А., Мешик П. Я. и Влодзимирский Л. Е., используя свое служебное положение в органах НКВД — МГБ — МВД, совершили ряд тягчайших преступлений с целью истребления честных, преданных делу Коммунистической Партии и Советской власти кадров.

Судом также установлены преступления Берия Л. П., свидетельствующие о его глубоком моральном разложении, и факты совершенных Берия преступных корыстных действий и злоупотреблений властью.

Виновность всех подсудимых в предъявленных им обвинениях была полностью доказана на суде подлинными документами, вещественными доказательствами, собственноручными записями подсудимых, показаниями многочисленных свидетелей.

Изобличенные доказательствами подсудимые Берия Л. П., Меркулов В. Н., Деканозов В. Г., Кобулов Б. З., Гоглидзе С. А., Мешик П. Я. и Влодзимирский Л. Е. на судебном следствии подтвердили показания, данные ими на предварительном следствии, и признали себя виновными в совершении ряда тягчайших государственных преступлений.

Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР установило виновность подсудимого Берия Л. П. — в измене Родине, организации антисоветской заговорщической группы в целях захвата власти и восстановления господства буржуазии; в совершении террористических актов против преданных Коммунистической Партии и народам Советского Союза политических деятелей; в активной борьбе против революционного рабочего движения в Баку в 1919 году, когда Берия состоял на секретно-агентурной должности в разведке контрреволюционного муссаватистского правительства в Азербайджане, завязал там связи с иностранной разведкой, а в последующем поддерживал и расширял свои тайные преступные связи с иностранными разведками до момента разоблачения и ареста, то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1 «б», 58-8, 58-13, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Суд установил виновность подсудимых Меркулова В. Н., Деканозова В. Г., Кобулова Б. З., Гоглидзе С. А., Мешика П. Я. и Влодзимирского Л. Е. в измене Родине, совершении террористических актов и участии в антисоветской изменнической группе, то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1 «б», 58-8, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР постановило:

Приговорить Берия Л. П., Меркулова В. Н., Деканозова В. Г., Кобулова Б. З., Гоглидзе С. А., Мешика П. Я., Влодзимирского Л. Е. к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией лично им принадлежащего имущества, с лишением воинских званий и наград.

Приговор является окончательным и обжалованию не подлежит.

Приговор приведен в исполнение

Вчера, 23 декабря, приведен в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР в отношении осужденных к высшей мере уголовного наказания — расстрелу — Берия, Л. П., Меркулова В. Н., Деканозова В. Г., Кобулова Б. З., Гоглидзе С. А., Мешика П. Я. и Влодзимирского Л. Е.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СТИХИ ЛИЛЯНЫ СТЕФАНОВОЙ

Лиляна Стефанова еще очень молода, но за ее плечами большой жизненный, общественный и исторический опыт, принадлежащий не ей лично, а всему поколению болгарской демократической молодежи, ныне вступающему в жизнь.

И если говорить очень широко, если говорить о главном, то вся поэтическая книжка **Л. Стефановой «Встают Родопы»** (Москва. «Молодая гвардия». 1953 г.) проникнута одним организующим и властным чувством: пафосом личного становления и роста, который совпадает с ростом ее молодой демократической родины.

В стихах Стефановой мы найдем достоверные биографические приметы, точно зафиксированные подробности, много говорящие уму и сердцу внимательного читателя. Мы знакомимся с ее родителями. Вот мать. В прошлом у нее была суровая и печальная жизнь. Лиляна склоняется к материнским рукам «цвета старой вощины». Когда-то мать научила ее старым крестьянским песням о беспросветной нужде, о неурожаях на черствой земле, о доле батрачки.

Лиляна Стефанова рассказывает о своей школе, рассказывает немногословно, скупо, но она сумела отобрать важные, решающие подробности. Сопоставляя свое школьное детство с детством советской школьницы, она на крохотном плацдарме в двадцать восемь стихотворных строк уместила правдивую и значительную повесть: тут и «Отче наш» на уроках закона божьего, и пробуждение мятежного духа у подростков, и прочитанный тайком потертый том Горького, и борьба школьников Софии с «бранниками» — членами фашистской молодежной организации. Словом, это сурово отобранное, реалистическое письмо, которое внушает доверие к молодому поэту.

Поэт «рассказывает себя» — это судьба каждого лирического поэта, а Лиляна Стефанова, конечно, лирик, и все ее стихи представляют собою лирический монолог. Но в этом задушевном монологе нет рассказа о чем-нибудь исключительном, не похожем на жизнь других, рядом стоящих. Вольно или невольно Стефанова подчеркивает свою связь с поколением, с народом. Вот почему события ее жизни — приезд в Москву, годы учения в московском вузе, дружба со сверстницей-аваркой, поездки по нашей стране, впечатления от Волги и Сталинграда, и рядом с этим воспоминания о встречах с товарищем Димитровым — все это живет и дышит в стихах, само становится поэзией.

Говорят, что первоисточник всякого искусства — удивление, широко раскрытые на мир глаза.

В стихах Лиляны Стефановой этот первоисточник присутствует. Ее впечатления свежи и ярки. Мир для нее удивителен. Он стоит благодарного отклика, стоит взволнованного описания,— идет ли речь о путешествии в горы с любимым человеком, о какой-нибудь старой бочке, забытой в углу двора и ждущей часа, чтобы люди снова заклепали ее и наполнили водой или вином.

Лиляна Стефанова — молодой болгарский поэт и студентка московского вуза, а книжка ее вышла на русском языке. И эту книжку хочется поставить в один ряд с лучшим из того, что сделано молодыми советскими поэтами. Принадлежа болгарской культуре, в то же время она многое взяла от нашей, советской. И это — явление не случайное, симптоматичное для нашего времени.

Павел **АНТОКОЛЬСКИЙ**

ПОВЕСТЬ БЕЗ ДВИЖЕНИЯ

Известен эстрадный трюк, заключающийся в том, что телодвижениями, мимикой актер изображает чрезвычайно спешащего куда-то человека и при этом... не делает ни шага.

В литературе также встречаются произведения, авторы которых тратят много усилий на описание событий, а действие в то же время не сдвигается ни на шаг. Следует только добавить, что если в эстрадном представлении безрезультатные судороги актера все же смешат зрителя, то подобное явление в литературе ничего, кроме острой досады, не вызывает.

В повести **П. Двоерядкина «На прииске Ягодном»** (Благовещенск. 1953. 139 стр.) описывается послевоенная жизнь сибирского золотого прииска. В книге есть и механизация производственного процесса с ее благотворным влиянием на сознание героев, и борьба за выполнение плана, и соревнование. Даже авария, заканчивающаяся, разумеется, вполне благополучно.

В повести действуют обычные в произведениях подобного рода персонажи: фронтовик, возвращающийся в родное село, прелестная героиня-строительница, несознательный прораб (за производственные прегрешения героиня перестает его любить, возвращая ему свое трепетное чувство, как только прораб исправляется). Имеются в ней и резонер-парторг и матерый таежник-строитель, изживающий «на глазах у публики» пережитки прошлого в своем сознании.

Но не только потому не волнует повесть П. Двоерядкина, что в ней собраны лишь шаблонные аксессуары, лишь стандартно-индустриальные или производственно-бытовые ситуации. В произведении нет развития отношений и характеров; движение лишь изображается, на самом деле все, как вкопанное, остается на месте.

Вернувшегося с фронта Степана Озерова встречает мачеха; мать фронтовика умерла во время войны. С первых же страниц перед читателем возникает драматическая коллизия: как сложатся отношения между мачехой и Степаном? Не стоит, однако, обращать внимание на эти важные для жизни героев подробности — автор на них не задерживается; отношения Степана Озерова с мачехой остаются без развития; для дальнейшего движения сюжета они вообще не имеют никакого значения.

В повести описывается старатель Шуранов, жаждущий «фарта» и скрывающий богатое месторождение золота. Только потому, что началась механизация рудника и секретарь партийного комитета произнес несколько прочувствованных речей, Шуранов вдруг «прозревает», открывает свой секрет. Никакими правдоподобными обстоятельствами, психологическим раскрытием образа это превращение не мотивировано. Следовательно, и здесь развитие характера лишь внешнее, кажущееся.

Боязнь правдиво решить серьезные и сложные житейские и производственные вопросы, возникающие перед героями повести, стремление сгладить или обойти их, наконец, неумение автора отобрать главное, отделить существенное от случайного — одна из причин художественной неудачи произведения.

И еще: повесть «На прииске Ягодном» — переиздание, в 1951 году она уже выходила в Хабаровске. Как мог автор в течение двух с лишним лет не задуматься над тем, что произведение следует пересмотреть, доработать? А издательство — вновь выпускать слабую книгу в неизменном, девственном виде? Это тоже бездействие, шаг на месте.

А. **ПИСЬМЕННЫЙ**

КОРОЛЕНКО-КРИТИК

Писатель-демократ и общественный деятель, В. Г. Короленко был не только замечательным художником слова. Воинствующий публицист и вдумчивый редактор, Короленко был оригинальным критиком, требовательным наставником начинающих писателей. Ему принадлежит немало статей и высказываний о творчестве многих классиков русской литературы. С выдающимися современниками—Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, Г. И. Успенским, А. С. Серафимовичем — Короленко вел переписку, в которой оценивал общественные события и литературные явления.

Критическая деятельность писателя почти не освещалась в работах о нем, его литературные статьи и письма давно не переиздавались и представляют собой библиографическую редкость.

Этот пробел в известной мере восполняет книга **Вл. Бартенева «В. Г. Короленко — литературный критик»** (Ивановское книжное издательство. 1953. 141 стр.). Книга состоит из трех глав. В первой из них исследователь пишет об основных чертах мировоззрения писателя-гуманиста.

Во второй главе рассматриваются литературно-эстетические воззрения писателя.

Третья глава посвящена литературно-критическим и историко-литературным взглядам В. Г. Короленко. Творчество писателей Короленко рассматривал с демократических позиций, выступая как наследник заветов Белинского и Добролюбова в литературной критике.

Автор книги анализирует некоторые статьи и высказывания писателя-реалиста о Гоголе, Гончарове, Г. Успенском, Гаршине, Чехове. Личность Л. Толстого, его творчество и философские искания привлекали пристальное внимание Короленко. Он восхищался не только правдой и чистотой творчества Толстого,— его поражала, как он говорил, «ширина творческого захвата, огромность художественного горизонта Толстого».

Замечательный мемуарист, Короленко оставил необычайно яркие литературные портреты писателей-современников. Одним из первых, кто заметил большой и своеобразный талант Горького, был Короленко.

Вл. Бартенев использовал и исследовал в своей книге обширный и разносторонний материал: статьи, письма, дневниковые записи и художественные произведения В. Г. Короленко.

Однако работа Вл. Бартенева не свободна от недостатков. В первой главе книги остается невыясненным вопрос, почему Короленко пребывал в рядах народников, если он, по утверждению автора, не разделял многих народнических иллюзий и даже положительно отзывался о марксистах. В этой главе отсутствует оценка писателем-демократом революции 1905 года и первой мировой войны.

Полезно было бы дополнить третью главу конкретными примерами короленковского понимания литературных образов. Чего стоит одна только характеристика, пусть несколько прямолинейная, но очень меткая,—отзыв о героине пьесы «Вишневый сад»: «Раневская, — писал Короленко, — дворянская клушка, ни к чему не годная, благополучно уезжающая к своему парижскому содержанцу. А Чехов все-таки затушевал ее, окружив каким-то чувствительным облаком».

Несмотря на отмеченные недостатки, книга Бартенева — полезное исследование о Короленко — литературном критике.

Е. **СОЛОВЬЕВ**

гор. КИРОВ

РАЗГОВОР С МОЛОДЫМ ПОЭТОМ

Казахское государственное издательство художественной литературы в 1953 году выпустило сборник стихов **Леонида Кривощекова «С открытым сердцем»**.

Поскольку сердце открыто, нам легко разобраться в том, что в нем происходит. А наряду с хорошим происходит и не совсем хорошее.

Л. Кривощеков,—несомненно, человек талантливый, но часто он больше любуется своими переживаниями, чем заражает ими читателя. «Ах, как мне грустно» или «Ах, как мне весело» — это еще не есть переживание, это только сообщение о нем, а мы такому сообщению можем верить и не верить. Чаще не верим.

Когда пишешь рецензию о какой-нибудь книге, вникаешь не только в ее содержание. Стараешься мысленно представить себе автора, даже его внешний вид — что с ним происходит и, главное, что еще произойдет, и стараешься, чтобы твой отзыв о нем принес ему пользу.

Постараюсь представить себе Леонида Кривощекова.

Это, на мой взгляд, молодой, одаренный человек, больше любящий себя, чем то, что он делает (это, впрочем, беда не только многих авторов стихов, но и авторов некоторых романов). Стремление быть интересным, если писатель не всегда располагает достаточными для этого средствами, легко воспринимается самим автором, но тяжело переживается читателями. И вместо того, чтобы признать недостаточность своего мастерства, вместо того, чтобы повышать его, они — эти поэты и прозаики — обвиняют тех, кто их критикует в непонимании художественной прозы и поэзии.

Поэзия — это неисчерпаемое богатство. Сколько его ни раздавай, никогда банкротом не станешь. А разве это богатство:

Задыхаюсь от ветра и плачу,
Не желая другого пути.
Только так, через все неудачи,
Напрямик за любовью итти.

Это—самолюбование, а не богатая индивидуальность.

Или:

В заводь синюю желтый клен
Опрокинулся вниз головой.

Сергей Есенин и другие большие поэты уже давно опрокинули в заводь всю нашу растительность. Писать так—это все равно, что пытаться в наши дни заплатить в магазине обветшалыми дензнаками. Кассирша чека не выбьет.

Почему я так зло пишу о Леониде Кривощекове, который, в общем, как поэт, мне нравится и который в значительной части своей поэтической работы достоин похвалы? Потому что, мне думается, он похвалу воспринимает неверно — он воспринимает похвалу, как разрешение работать небрежно. Этих небрежностей в книге очень и очень много:

Встает над городом
Сентябрьский рассвет...

Нужно прибавить слог, чтобы вторая строка была удобочитаемой.

Нахлынула к сердцу жалость,
И старому стало тепло,
Сиротка-внучка прижалась
К промасленной куртке его...

Не говоря о дурной рифмовке, это сентиментально. Чувство заменяется здесь ви-

Старое, но грозное оружие

Б. РОМАШОВ

С волнением мы шли на этот спектакль...

Имя замечательного поэта нашей советской эпохи Владимира Маяковского давно стало любимым и близким для советского читателя, однако пьесы его долгое время не ставились на сцене. Многих пугала необычность их литературной формы, некоторые сомневались в «сценичности» драматургии Маяковского. Острое сатирическое жало драматических произведений поэта совершенно не вязалось с теми бесконфликтными, словно на пробор причесанными, пьесами, которые одно время заполняли наш репертуар. Вот и случилось так, что гневной, подлинно гражданской и острой сатиры В. Маяковского не было в нашем театре...

Постановка «Бани» в Московском театре сатиры наглядно показывает, как велика неиссякаемая энергия этой пьесы, как близок и волнующе значителен голос поэта, который, словно живой, говорит с нами, своими современниками... «Баня», безусловно, выдержала испытание временем. Идейная устремленность пьесы — борьба за коммунистические начала жизни, против всего обветшалого, сохраняющего пережитки прошлого, — необычайно близка нашему времени. И в пьесе Маяковского эту борьбу за коммунизм ведут рядовые труженики-энтузиасты, заражающие своим энтузиазмом и нынешних строителей нового общества.

Сидя в зрительном зале на спектакле, невольно вспоминаешь слова М. Е. Салтыкова-Щедрина: «...чтоб сатира была действительною сатирою и достигала своей цели, надобно, во-первых, чтоб она давала почувствовать читателю тот идеал, из которого отправляется творец ее, и во-вторых, чтоб она вполне ясно сознавала тот предмет, против которого направлено ее жало».

Наш советский поэт так и смотрел на свою драматургию, он хотел «сделать подмостки трибуной», он не боялся яркой публицистичности, зрелищности, и в его драматических произведениях высокая идейность содержания сочетается с страстным революционным пафосом, острой формой, яркой речевой выразительностью. У Маяковского своя поэтика, свои неповторимые индивидуальные черты, и в то же время все это—в русле той драматической гражданской поэзии, которой по праву гордится наша русская литература.

Некоторые пьесы, появившиеся за последнее время под названием «сатирических комедий», несмотря на то, что в них немало остроумного и смешного, как раз страдают отсутствием гражданского пафоса. «Баня» дает образец подлинного сатирического мастерства, которое тем и сильно, что, разя все враждебное бичующим смехом, в то же время озаряет дали будущего.

Из этого, конечно, вовсе не следует, что все пьесы сатирического жанра должны писаться только в такой манере. Разумеется, и играть «Баню» можно в разных манерах. «Баня» В. Маяковского показывает, как разнообразна по своим творческим возможностям наша советская драматургия, и это служит на пользу нашему театру — многообразие драматургических приемов, словесных красок, острых образов... Чем богаче палитра сценического искусства, тем интереснее и своеобразнее спектакль. Надо только, чтобы различные режиссерские и актерские средства художественной выразительности не служили самоцелью, а были подчинены идее произведения, связаны с раскрытием его замысла.

Большой удачей Театра сатиры в постановке «Бани» является прежде всего то, что спектакль проникнут живым, горячим духом современности. Он обращен не назад, а в будущее. И там, где удалось выразить это наиболее ярко, спектакль становится взволнованнее и глубже.

Режиссеры спектакля Н. Петров, В. Плучек, С. Юткевич сумели подойти к раскрытию трудной, как всякое своеобразное явление искусства, пьесы В. Маяковского не только с большим вниманием к ее создателю, но и с настоящей творческой фантазией, выдумкой, темпераментом. Это создает атмосферу всего спектакля — жизнерадостную, волнующую, горячо передающуюся в зрительный зал. Композиционное решение спектакля очень выразительно. Немалую роль играет здесь оформление С. Юткевича, выступающего не только одним из режиссеров, но и художником.

Спектакль волнует вас, задевает за живое, вам интересна судьба изобретения Чудакова, ибо вы чувствуете всю значительность мысли о создании машины времени, летящей в будущее. Борьба, которая происходит за осуществление этого изобретения, составляет, так сказать, основную драматическую структуру пьесы. И именно потому, что велика цель простых тружеников-энтузиастов, мы особенно остро чувствуем, сколь губительно для нашей жизни пребывание в ней типов, подобных главначпупсу — заядлому бюрократу Победоносикову.

Можно с уверенностью сказать, что в сатирической и зловещей фигуре Победоносикова В. Маяковский создал один из ярчайших характеров в галерее носителей пережитков капитализма. Эта фигура написана необычайно выпукло, лексика Победоносикова блещет афоризмами его своеобразной «философии». В таком же примерно плане написан и образ секретаря Победоносикова — Оптимистенко (арт. В. Лепко).

Блестящий юмор В. Лепко хорошо известен нашим зрителям; при помощи очень простых средств, действуя искренне, правдиво и вместе с тем гротескно-заостренно, артист в роли Оптимистенко вызывает смех зрительного зала в течение всего спектакля. Тупой бюрократ, необычайно смешной в своей уверенности, что делает большое государственное дело, предстает перед нами в очень хорошей первой сцене, когда Оптимистенко беседует с посетителями, а также в сцене с мадам Мезальянсовой, яркий и законченный образ которой создает актриса Н. Слонова. Интересно, жизненно, с необычайной легкостью играет В. Лепко заключительные сцены пьесы, находясь уже на борту машины времени.

Однако иногда артист словно бы изменяет реалистической природе образа, теряет самую суть характера Оптимистенко и будто заботится только о том, чтобы на сцене была веселая буффонада.

Главначпупс Победоносиков в исполнении А. Ячницкого выразителен и сочно живописен. Особенно талантливо сыграна сцена в кабинете главначпупса, когда он, так сказать, — в своем бюрократическом микроклимате. Да, да есть еще похожие на таких Победоносиковых фигуры, во всяком случае, отдельные черты его необычайно жизненны. Артисту удалось не только сыграть, но в полном смысле слова вжиться в образ, и это свидетельствует о глубокой реалистической природе сценического юмора А. Ячницкого. Также интересна по своей актерской выразительности сцена его с женой Полей; здесь проявляется трусливая, сугубо мещанская душонка этого маленького «вельможи». Все это густо, сочно, правдиво. И финал спектакля дает возможность артисту развернуть свой драматический темперамент: Победоносиков становится страшен и жалок. А ведь таким и написал его поэт. Недаром в лозунгах для первого спектакля В. Маяковский подчеркивал, что:

> Театр
> не отображающее зеркало,
> а —
> увеличивающее стекло.

В целом образ Победоносикова — удача даровитого актера. И очень жаль, что в пятом действии Победоносиков несколько мельчает, как бы разменивается, словно это уже не заядлый бюрократ, а тоже «вроде просителя». И мизансцены, связанные с пинками, с вышвыриванием его портфеля и шляпы, на наш взгляд, мало оправданы. Думаю, что режиссура напрасно ввела такие примитивные, облегченные мизансцены, напоминающие какие-то театральные «репризы», — от этого снижается юмор, утрачивается естественность. Все же логика образа такова, что и в этом положении Победоносиков еще сохраняет видимость величественности. Недаром же в машине времени Победоносиков произносит торжественную речь в честь аппарата, недаром же он тащит с собой целую тележку вещей...

Все эти детали не случайны. Победоносиков «семенит» перед некоторыми, он иммикрирует, подлаживается, но это волк в овечьей шкуре, и машина времени выбрасывает его из жизни...

Когда я говорю о некоторых «огрехах» интересного, смелого спектакля «Баня», то вижу в них недостатки, которые могут быть при желании устранены, потому что в целом режиссура нашла яркие и выразительные средства сценического решения. Например, очень удачно и необычайно просто решен весь первый акт, а финал с кругом среди пустого пространства, на который с машины времени отброшен главначпупс с секретарем Оптимистенко, Мезальянсовой и художником-натуралистом Бельведонским (арт. Г. Доре), просто блестяще сделан! Когда на этом кругу остается один Победоносиков, которого все бросили, и обращается к зрителям с вопросом: «Что вы этим хотели сказать, что я и вроде, не нужны для коммунизма?», — неожиданно на сцене появляется лицо самого поэта, и жалкая фигура главначпупса в ужасе пятится от гневного взора Маяковского. Зал грохочет аплодисментами.

Все это глубоко раскрывает существо драмы, написанной Маяковским гневными, сатирическими красками. И как удачен киномонтаж, органически вмонтированный в спектакль и символизирующий бег времени: перед нами мелькают ярко вычерченные из эпохи строительства социализма фигуры созидателей будущего, которых вы видите одно мгновение, но они прочно остаются в вашем сознании — так энергично, метко, рельефно показаны эти люди...

Вся утверждающая тема спектакля — тема строительства нового общества — прочерчена режиссурой необычайно просто и убедительно. А ведь без нее немыслима драматургия В. Маяковского, его страстный, гневный сарказм с лирическим пафосом!

В этой утверждающей линии не удовлетворяет, однако, решение образа фосфорической женщины, роль которой исполняет арт. Н. Архипова. Упрек хочется направить не столько в адрес актрисы, но скорее в адрес режиссуры. Почему так излишне просто решен этот образ? Почему в общем пафосе спектакля ее появление кажется будничным, лишенным поэзии, словно она не вестница будущего, а обыкновенная сотрудница обыкновенного учреждения? Но ведь и в этом обыкновенном можно найти поэтическое решение! Особенно, если принять во внимание ту важную функцию, которая дана фосфорической женщине в пьесе, вспомнить слова, которые она говорит. Режиссура обеднила в данном случае краски образа, не наполнила поэзией театрального искусства эту фигуру.

Спектакль держится на крепком ансамбле, на целеустремленном режиссерском замысле, совпадающем с замыслом поэта и дающем, так сказать, полет его крылатой пьесе. Хорошо играет изобретателя Чудакова арт. Д. Дубов. Это вовсе не чудак, не одержимый маньяк; Чудаков в спектакле Театра сатиры — настоящий, живой, одухотворенный человек, для которого творчество есть дело жизни. Очень порадовал нас В. Рунге в роли Велосипедкина—настолько непосредственно играет он боевого комсомольца. И, конечно, не вина актеров, что некоторая фрагментарность пьесы не дает развития этим образам в дальнейшем. Трогателен образ машинистки Ундертон в исполнении Г. Кожакиной; искренна Поля — К. Канаева. Следует отметить, что фигуры просителей довольно бледны, а образ репортера Моментальникова (арт. Ф. Димант) решен внешне, элементарно.

Театр не жалеет красок для изобличения отрицательных персонажей пьесы, но в некоторых случаях он как бы останавливается перед теми задачами, которые ставит сатира В. Маяковского. Например, в ярко написанной сцене Победоносикова с режиссером по поводу спектакля театр совершенно напрасно сделал купюру в том месте, где драматург зло высмеивает пошлое, приспособленческое театральное искусство (разве это потеряло свою остроту!). И поэтому фигура режиссера (арт. О. Солюс) оказывается лишенной характера. Думается также, что языковая культура спектакля требует еще некоторой шлифовки. Слово Маяковского было его главным оружием и требует к себе особенно внимательного, бережного отношения.

Недочеты интересного и волнующего спектакля Театра сатиры, однако, не могут заслонить большого и радостного впечатления от всей работы в целом. Важно, что Театр сатиры, носящий такое имя, показал во всеоружии интересную, боевую сатиру В. Маяковского, подтвердив тем самым, что драматургия поэта живет и по праву может быть включена в репертуар наших театров. Важно, что после этого спектакля, на котором зрители так много смеются над тем, что еще мешает нашему продвижению вперед, уходишь бодрый и взволнованный, словно побеседовал с живым Маяковским, соратником нашего времени...

И хорошо, если бы Театр сатиры, проявивший такую ценную инициативу, и в дальнейшем развивал свое искусство на пути создания современной сатирической комедии.

Для этого у него есть богатые возможности.

Сцена из спектакля «Баня». На снимке: **мадам Мезальянсова (арт. Н. Слонова) и Победоносиков (арт. А. Ячницкий).** Фото Б. Пушнина

СКОЛЬЖЕНИЕ ПО ПОВЕРХНОСТИ

Новый роман Ф. Панферова «Волга-матушка река» переносит читателя в бурлящий водоворот событий, происходивших осенью 1951 года и весной 1952 года в Приволжской области. Широта и значительность этих событий приковывают внимание читателя. В центре событий художник рисует коммунистов, партийных работников. Однако удалось ли писателю создать образы партийных работников?

Героем романа является Морев, которого Центральный Комитет партии рекомендует вторым секретарем Приволжского обкома партии. Какими же качествами он обладает? Почему ЦК рекомендует его?

По словам автора, в период борьбы с троцкистами, бухаринцами Морев «организовал яростную, умную и беспощадную атаку на врагов народа и вместе с подлинными коммунистами разгромил их, после чего о нем однажды Сталин сказал: «Морев — человек с металлом в груди».

Борьбы Морева с врагами народа мы в романе не видим, а его характеристика, как «человека с металлом в груди», не оправдывается ни в первых главах романа, когда он едет в Приволжск и, впадая в ребячество, ссорится с академиком Бахаревым из-за пустяков, ни в последующих главах.

Такова предистория Акима Морева. Каковы же его поступки в Приволжске?

Морев возмущается, увидя двухэтажный особняк, охраняемый двумя милиционерами, который воздвиг для себя первый секретарь обкома партии Малинов. Но вдруг у него возникает совершенно непонятная робость: «Аким Морев знал, что в словах по адресу первого секретаря обкома Малинова надо быть осторожным, потому что они могут до него немедленно долететь...» И дальше, уже во время пленума обкома, Морев проявляет такую же нерешительность: «Наверное, промолчу. Хотя сказать мне есть что. Но если сказать открыто, значит стать в оппозицию к Малинову»,— говорит он: — «А ведь мне с ним надо работать в обкоме...», «надо дипломатично». Все эти непринципиальные соображения отнюдь не характеризуют Морева как человека «с металлом в груди».

Не менее странно и поведение участников пленума областного комитета партии. Описывая шестичасовой бессодержательный доклад Малинова, автор утверждает: «И все простили бы ему слушатели. Все... Но он говорил еще к тому же невыносимо длинно, тягуче,— вот этого, последнего Семену Малинову уже никто простить не мог». Выходит, что участники пленума — люди беспринципные: они прощают Малинову поверхностность, наивность доклада — все, кроме тягучести.

Прервав работу пленума, Малинов созывает закрытое заседание бюро. Этого заседания читатель не видит. Но вот оно окончилось, и секретарь обкома по промышленности Пухов уходит, «роняя по пути бранные слова». Значит, не договорились, думает читатель и ждет острого выступления Пухова на пленуме. Но Пухов молчит, молчат и другие члены бюро.

Начинается критика снизу: Малинова критикуют Астафьев, Лагутин, Кораблев. Не выдержав критики, Малинов заболел. Пленум продолжил свою работу без него, и вот в отсутствие Малинова Морев решился выступить с речью. На этом заканчивается первая часть первой книги романа.

Вторая часть начинается фразой: «Недели через две после пленума Малинов был отозван в Москву. Аким Морев, избранный первым секретарем обкома партии, стал входить в дело».

Как же это случилось? Ведь читатель хочет знать не только то, что произошло, но и то, как произошло, хочет видеть динамику событий, их диалектику. Но автор проходит мимо всего этого.

Случайно и неубедительно Морев разоблачает Смельчакова. Только потому, что Морев в 1919 году был недалеко от Первого Колонка и помнит, что православной церкви там не было, а была немецкая кирха, он делает вывод, что отец Смельчакова — не священник, а пастор, и носил немецкую фамилию, следовательно, Смельчаков — затаившийся враг. Тут же Морев отбирает у него партбилет.

Как все просто! А если бы Морев не обладал отличной памятью, значит, Смельчаков остался бы неразоблаченным?

Автор пытается изобразить Морева не только способным партийным работником, но и высокообразованным марксистом. Он обнаруживает идеалистические ошибки в статье Сухожилина. А когда в области назревает теоретическая борьба с Сухожилиным и его сторонниками, Морев говорит: «Борьба, конечно, не столь сложная, как классовая борьба, однако нельзя благодушествовать». Выходит, что для Морева теоретическая борьба — это одно, а классовая — нечто другое, в то время как теоретическая борьба есть форма классовой борьбы.

Так, при ближайшем рассмотрении Морев оказывается довольно слабым теоретиком. Не потому ли он отказывается написать теоретическую статью против Сухожилина и поручает ее Пухову? Ведь мотивы отказа Морева (мол, Сухожилин— бывший сторонник Малинова, подумают, что именно поэтому Морев и выступает против него) совершенно неубедительны и непринципиальны.

Морев заботится о людях, принимает меры, чтобы переселить жителей из землянок в благоустроенные дома. Это хорошо. Морев понимает, что, не зная местных условий и людей, он не в состоянии руководить областью, поэтому выезжает в районы Левобережья. Это тоже хорошо. Он убеждается в том, что введение травопольной системы севооборота в местных условиях было ошибкой, и вносит этот вопрос на обсуждение бюро обкома. И это хорошо. Но Морев почти все делает один, а его декларации о том, что надо прислушиваться к голосу масс, не изменяют этой его позиции: Смельчакова разоблачает Морев, марксистско-ленинскую философию по-настоящему понимает только Морев, сельским хозяйством глубоко занимается только Морев.

Мне, как партийному работнику, странным кажется образ секретаря обкома, который подчас попирает высший принцип партийного руководства—коллективность. С внешней стороны все обстоит благополучно—бюро обкома функционирует, но многие вопросы, по существу, единолично решает первый секретарь. Морев сказал — бюро согласилось, его не критикуют, он мыслит абсолютными истинами. Он предлагает снять с обсуждения бюро вопрос о детском базаре, о лесопосадках дуба — члены бюро соглашаются; он неожиданно ставит неподготовленный вопрос о весенней посевной — никто не возражает; он предлагает исключить из партии Якутова, немотивированно заявляя, что «такие люди, как Якутов, на словах принимают Советскую власть, коммунистическую мораль, а душой живут по ту сторону — в капиталистическом мире», и члены бюро, не задав ни одного вопроса и не говоря ни слова, голосуют за исключение.

Образ секретаря Центрального Комитета партии Муратова также не удался автору. Ни во время описанных в романе личных встреч Морева с Муратовым, ни из телефонных разговоров с ним не видно его подлинной роли, как политического руководителя, направляющего работу Морева. Автор не сумел показать Муратова серьезным, крупным партийным работником, глубоко анализирующим обстановку и хорошо разбирающимся в людях. Так, например, уклоняясь от прямой характеристики Малинова, которая помогла бы Мореву лучше ориентироваться на новом месте, Муратов отшучивается: «Малина хороша к чаю. Мать моя очень любит чай с малиной».

Перед читателем романа проходят: разложившийся Малинов, совершенно неопределенный Мордвинов, двурушник Сухожилин, замаскировавшийся враг Смельчаков, беспринципный Рыжов, чиновник Петин, резонер и болтун Зарубин, безвольный Опарин. Не слишком ли велика такая галерея для одной области? А противопоставлены им лишь Морев, чей образ не может нас полностью удовлетворить, Лагутин, чей силуэт едва намечен, Пухов, Астафьев. В жизни мы видим обратное: подавляющее большинство партийных работников — это честные, морально чистые люди, преданные партии коммунисты, хорошо знающие дорогу к сердцу народа.

Автор примитивно изображает деятельность партийной организации области. Все сведено к заседательской суете. В романе отсутствуют картины работы партийных организаций на предприятиях и в колхозах. А без творческой деятельности масс даже наилучшие решения обкома останутся на бумаге. Таким образом, целостного образа партии, ведущей за собой массы, автору создать не удалось.

***

Думается, что нет оснований считать роман «творческой удачей», как это считает Н. Толченова. Нельзя обойти молчанием, как К. Горбунов, и вопрос об изображении в романе партийной жизни.

Автор проносится по поверхности явлений и, стремясь затронуть множество вопросов, не проникает в глубинные процессы, не раскрывает психологии людей.

Роман «Волга-матушка река» написан неряшливым языком. Такие слова и фразы, как: «вот это жмет», «сто грамм с прицепом», «профессор кислых щей», «рвану двести грамм» и т. д., звучат грубо и вызывают досаду читателя.

В романе есть хорошие главы, но их мало, они тонут в обилии поспешно написанных страниц, которые автор не пережил и не осветил огнем творческого вдохновения.

В. БОРИСОГЛЕБСКИЙ

В порядке обсуждения.

димостью чувства. Такое наблюдается во многих стихах молодого автора:

> Ни слова б я о нем не обронил,
> Когда б не опьянел от ароматов...

Эти ароматы сильно отдают одеколоном.

> Работяга мой город. И я
> Тем напомню, кто точит клыки...

Точат клыки скорее резчики по кости, чем империалисты, которых имел в виду автор.

> Как-то июльским погожим днем
> Мы шли хлебами под синим небом.
> Это было в сорок седьмом.
> Моим спутником был агроном,
> Он Героем Труда еще не был.

Даже для прозы это слишком неуклюже. Таких строк в книге встречается, к сожалению, немало.

Я намеренно не процитировал ни одной хорошей строки, а они в книге есть. Не процитировал вот почему. Если на первом этапе пути похвала служила поэту подмогой, то сейчас, неверно воспринимая похвалу, он находится на пути не к хорошему, а, скорее, к дурному. Право же, Л. Кривощеков должен снизить самоуверенность и прибавить себе робости, необходимой поэту даже при самом отчаянном дерзании.

М. СВЕТЛОВ

О ДЕВУШКАХ НАШИХ

Вот пример того, как самая благодарная, поэтическая тема может быть испорчена плохим, ремесленным исполнением.

Девушки на войне, девушки-авиаторы! Целый женский авиационный полк, сформированный в октябре 1941 года под руководством известной летчицы Марины Расковой и вписавший героические страницы в историю Великой Отечественной войны. Двадцать пять тысяч боевых вылетов, три миллиона килограммов бомб, сброшенных на врага. Двадцать три девушки— Герои Советского Союза... Об этом можно писать поэмы, романы, воспоминания. Только нельзя писать холодно, казенно, поверхностно, как это сделал **А. Магид** в своей очерковой книжке **«Гвардейский Таманский авиационный полк»** (издательство ДОСААФ, Москва, 1953, 250 стр.).

Автор, как видно, подробно познакомился с историей полка, с дневниками, письмами, воспоминаниями летчиц, он не раз встречался с героинями войны, вернувшимися к мирному труду,— в институты, в аэроклубы, на производство. Но нет в этой книге живых людей и характеров, нет яркого показа боевых будней полка. Сухой, канцелярский язык, стиль боевых донесений (однако без точности и лаконизма боевого донесения), перечня фамилий без конца...

«С большим эффектом летали экипажи Ульяненко — Голубевой, Себровой — Целовальниковой, Никулиной — Рябовой, Поповой — Гашевой...». «Неразлучной парой были Татьяна Макарова и Вера Белик. Они летали бодро, уверенно и спокойно». «Блестяще работали техники и вооруженцы», а чуть дальше: «Тут же находились политработники: Рунт, Рачкевич, Фетисова, Карпунина и Дрягина. Они воодушевляли девушек на выполнение заданий, подбадривали их».

Таких безликих стереотипных фраз можно выписать из книги бесконечное множество. А ведь автор пишет о храбрейших дочерях страны, которые каждую летную ночь, нередко по пять-шесть раз за ночь, перелетали на своих маленьких ПО-2 линию фронта! И в то же время книга эта о самых обыкновенных советских девушках, которые, вернувшись с боевого задания, писали нежные письма матерям, вышивали подушки и коврики, любили танцевать и петь.

«Девушки мужественно перенесли потерю любимых подруг и навсегда сохранили о них светлую память», —пишет автор, а читатель листает книгу, чтобы снова разглядеть фотографии погибших героинь, представить, какими же они все-таки были при жизни. И простые моментальные снимки летчиц перед боевым вылетом, портреты оружейниц, подвешивающих бомбовый груз к самолету, снимки заседания комсомольского бюро или танцев в минуту отдыха — говорят больше многих страниц сухого текста. Прочтя стандартное описание внешности Жени Рудневой: «невысокая, со светлыми вьющимися волосами, с большими серо-голубыми глазами», листаешь книжку, чтобы найти более человеческий портрет погибшей героини. Вот она на фото — бывшая студентка астрономического факультета МГУ, ставшая штурманом полка, Героем Советского Союза, любимицей коллектива,— весело смеется, сидя среди боевых подруг; а вот у самолета — подтянутая, но тоже улыбающаяся. Снимки безвестных фоторепортеров (фамилии авторов фото в книге не указаны) говорят сердцу больше беспомощных описаний.

А. Магид правильно делает, обильно цитируя записки, письма, воспоминания летчиц, но если из краткого рассказа Героя Советского Союза Натальи Меклин понимаешь, как проходил боевой полет в районе Керчи, как вели себя и что переживали девушки в эти минуты, то из многих авторских описаний — нет. Другой пример. В мотор самолета, который вела Ольга Санфирова, ударил снаряд. Трое суток девушки — летчица и штурман — пробирались к своим, мерзли, изголодались. «Второе мая — сегодня день рождения Лели. Что бы ей подарить? Роюсь в карманах брюк, нахожу несколько семечек подсолнуха и даю ей». Всего две строки, одна живая деталь, рассказанная штурманом самолета Руфиной Гашевой, и читателю ясны взаимоотношения между подругами, ясна картина пережитого ими. Ничего не добавляет к этому авторский «комментарий»: «То, что произошло с Санфировой и Гашевой, было только эпизодом в их фронтовой жизни... Они продолжали летать так же смело, так же бесстрашно...»

На обсуждении в Центральном доме Советской Армии бывшие летчицы полка и читатели высказали немало горьких и справедливых упреков автору. Возникает мысль: а почему бы летчицам не издать книгу своих собственных воспоминаний и записок? Среди них есть девушки, писавшие на фронте отличные стихи и песни, выпускавшие полковую газету, две девушки стали после войны профессиональными журналистами.

К. ЛАПИН

В ЛЕСНЫХ КВАРТАЛАХ

В книге **В. Кораблинова «В заповедном лесу»** (Воронеж, 1953, 100 стр.) рассказывается о работнике заповедника Максиме Федоровиче, с детства полюбившем лесную жизнь. По следам зверей, по незаметным для других приметам он ориентируется в лесу, всегда знает, что происходит в природе. Таких людей обычно называют следопытами.

Не будет ошибкой сказать, что и сам автор не лишен таланта следопыта. Именно потому он сумел написать увлекательные очерки об обитателях Усманского заповедника Воронежской области, в котором, к слову сказать, происходила часть натурных съемок широко известного фильма «Лесная быль». Очерк о бобрах, которым начинается книга,— хорошее дополнение к этому фильму.

С интересом узнает юный читатель, которому адресована книжка, о приключениях бобра, занесенного на льдине весенним половодьем в красивейшее местечко Усманского заповедника — «Мареев ключ». Короткими, точными зарисовками В. Кораблинов показывает жизнь бобров, об «архитектурных» способностях которых каждый слышал. Этот ценный зверь сравнительно легко привыкает к человеку, может стать даже ручным.

Значительную часть сборника занимают «рассказы наблюдателя». Каждый — с «воробьиный нос». В них автор коротко и просто рассказывает о разных занятных и поучительных случаях из жизни наблюдателей, то есть людей, приставленных для охраны заповедника и наблюдения за жизнью леса и его обитателей. Каждый наблюдатель ведет подробные записи о погоде и цветении деревьев, о прилете и отлете птиц, о всякого рода лесных событиях и т. п. Дневники наблюдателей представляют значительный научный интерес, они оказывают немалую помощь зоологам и ботаникам в их исследовательской работе. В десяти рассказах сборника из жизни наблюдателей юный читатель почерпнет немало такого, что впоследствии может пригодиться ему в жизни, а взрослый прочтет их с удовольствием.

Книга В. Кораблинова имеет познавательное значение; с полным правом ее можно отнести к жанру научно-художественной литературы, который столь необходим для развития чувства любви к родной природе. Дети узнают из нее много интересного и полезного о флоре и фауне Усманского леса, о жизни бобров, оленей, лисиц, енотов. Узнают они и о том, какую огромную заботу проявляет наше государство для сохранения и разведения ценных редких животных, как сложна борьба людей с лесными хищниками, совершающими кровавые набеги на мирных животных заповедника, сколько отваги и находчивости требует от человека эта борьба. Узнают — и проникнутся уважением к скромным труженикам леса.

В «Учительской газете» от 18 ноября Ю. Дмитриев ставит в вину писателю боязнь затянуть и усложнить повествование излишней «ученостью», клочковатость и разорванность изложения. Нам представляется, что критик не прав. «Излишняя ученость» — дело лишнее, особенно если автор пишет для детей. Не клочковатость и разорванность, а краткость изложения характерна для В. Кораблинова.

Написаны рассказы простым языком, удачны иллюстрации, сделанные самим автором. Книга «В заповедном лесу» заслуживает того, чтобы ею заинтересовался Детгиз.

М. ПОДОБЕДОВ

ВОРОНЕЖ

Конференция читателей журнала „Знамя“

В районной библиотеке № 14 на шоссе Энтузиастов состоялась любопытная читательская конференция. На этот раз обсуждалась не книга, а статья Ильи Эренбурга «О работе писателя», напечатанная в журнале «Знамя».

В переполненном читальном зале едва вместились все, желающие принять участие в обсуждении.

Среди выступавших были плановик завода «Компрессор» тов. Краснов, учительница тов. Новикова, пенсионер тов. Белкин, библиотекарь тов. Ананьева и другие. Говоря о статье И. Эренбурга, они ставили общие вопросы о работе писателя, о глубине раскрытия образов, о знании жизни и о мастерстве, об умении тонко и ярко изображать людей со всей сложностью их чувств и переживаний. Приводились примеры невзыскательности и нарушения жизненной правды, а также примеры глубокого и художественного раскрытия типических явлений действительности. Участники говорили и о детских книгах для самых маленьких читателей и о последних больших романах В. Пановой, Л. Леонова, Ф. Панферова; вспоминали героев произведений Эренбурга и Федина, Кетлинской и Павленко и многих других писателей. Не были забыты и образцы русской классической и мировой литературы. Читатели единодушно говорили о большом интересе к статье И. Эренбурга и другим статьям о писательском труде, высказывая отдельные критические замечания и отмечая некоторые спорные положения.

После выступлений читателей с большой речью выступил Илья Эренбург. Разъяснив возникшие у читателей вопросы, писатель поделился своими мыслями о современной литературе, о высокой ответственности писателя за свое дело, о мировом значении советской литературы. В заключение И. Эренбург тепло поблагодарил читателей за взыскательный и прямой разговор.

— В минуты усталости, когда бывает трудно работать, — сказал он, — воспоминания о таких встречах с читателями придают бодрость, умножают силы писателя.

***

Редакция журнала «Знамя» просит сообщить, что в 1954 году она, помимо произведений, перечисленных в «Литературной газете», рассчитывает также получить новые романы и повести от П. Далецкого, А. Чаковского, Г. Березко, М. Слонимского, В. Закруткина, Эм. Казакевича, Г. Леберехта и других.

ЦИТАТЫ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Над Францией — крупной европейской и мировой державой — нависла серьезная угроза. Эта угроза возникла в результате проводимой правящими кругами США политики возрождения германского милитаризма. Навязывая Франции пресловутый договор о создании «европейской армии», американские правящие круги пытаются продиктовать французскому народу решение, гибельное для его национальной безопасности.

Однако во Франции имеются значительные силы, сознающие опасность, которую представляет для их страны возрождение реваншистского вермахта под флагом «европейской армии». Люди, принадлежащие к самым различным слоям населения, представители разных кругов общественности отвергают американские планы включения Франции в «европейское оборонительное сообщество», ведущие к утрате Францией своего исторически сложившегося положения великой державы.

Мы приводим выдержки из заявлений ряда политических и общественных деятелей Франции, опубликованных во французской печати, преимущественно в газете «Монд» и журнале «Демокраси нувель», а также выдержки из выступлений депутатов французского Национального собрания во время дебатов по вопросу о «европейской армии».

◇

«Тот, кто внимательно прочитает боннский и парижский договоры, увидит, что в каждом параграфе этих соглашений заложена угроза войны».

Эдуард ДАЛАДЬЕ,
бывший председатель совета министров Франции

◇

«Ратификация боннского и парижского договоров — это война. Ратификация этих договоров превратится не только в источник серьезных осложнений в международном плане, — она приведет к тому, что Франция окажется прикованной к Германии в течение 50 лет...

...Перед лицом этой ужасающей перспективы материального разорения и морального упадка все мужчины и женщины Франции, сохранившие в неприкосновенности культ духовных ценностей и уважение к республиканскому идеалу, должны объединить свои усилия и повести решительную борьбу против ратификации военных договоров».

Ле КОРГИЙЕ,
французский генерал

◇

«Как рядовой француз, никогда не примыкавший и не имеющий желания примкнуть к какой-либо партии, я говорю «нет», исходя из всех тех соображений политического, морального, технического и другого порядка, которые были столь убедительно освещены людьми более компетентными, чем я.

Нужно разоблачить то моральное жульничество, каким являются утверждения, будто соглашения и примирения между французским и германским народами можно добиться только путем создания общей армии и подготовки к новой войне. Таким образом, сложную и болезненную проблему франко-германских отношений хотят разрешить в военном плане, в виде братства по оружию, равно объединяющего наших собственных парней и гитлеровских эсэсовцев... Боннское и парижское соглашения уже в одном этом аспекте представляют собой обман и предательство».

Гюстав МОНО,
деятель народного просвещения

◇

«Все французы независимо от их политических взглядов должны объединиться, чтобы предотвратить это безумие — перевооружение Германии, даже если оно осуществляется под прикрытием так называемой «европейской» армии...».

ПОЛЬ-БОНКУР,
бывший председатель совета министров Франции

◇

«Если договоры будут подписаны, то Германия сможет возродить гестапо и полевую жандармерию, фактически без каких бы то ни было ограничений. Можно ли найти такого француза, которого бы не взволновала эта перспектива?

...Что же касается политических европейских учреждений, образование которых сейчас проектируется, то их создание приведет к тому, что Франция будет окончательно раздавлена».

Пьер АНДРЭ,
депутат Национального собрания

◇

«Несмотря на сделанные ею уступки, на допущенные ошибки, Франция еще остается хозяином положения в том, что касается ее независимости и мира.

Нужно оберегать возможности совещания четырех держав...

Если Франция захочет, она сможет воспрепятствовать перевооружению Германии».

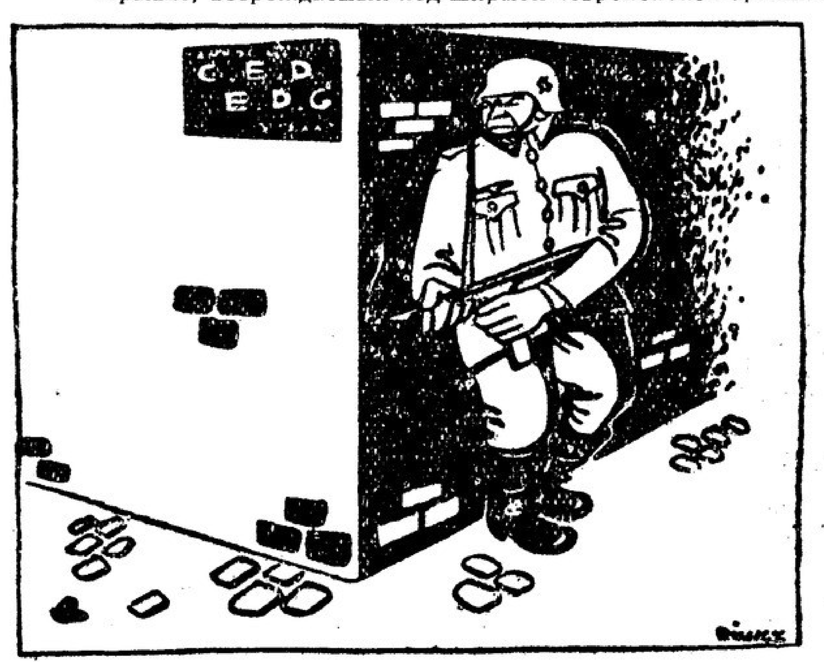
Анри БУРЭ,
депутат Национального собрания

◇

«Если Европу создадут таким образом, то она будет построена на костях Франции. Эта Европа с участием шести стран, которую нам уготовляют, не что иное, как восстановление — с охватом всей Франции в целом — священной римской империи германской нации».

Из статьи в газете «Монд» от 19 ноября 1953 года

«Европейское оборонительное сообщество» по-французски именуется сокращенно: C. E. D., по-фламандски: E. D. G.; изображенный на этом рисунке вооруженный бандит, притаившийся за углом улицы, носящей символическое название «Улица европейского оборонительного сообщества», олицетворяет реваншистский германский вермахт, возрождаемый под ширмой «европейской армии».

За углом притаилась опасность...
Рисунок художника Дилука из бельгийской газеты «Драпо руж»

Лазарь Илков и Елена Циника обличают клеветников

Сейчас уже известны итоги выборов в Народное собрание Болгарии и в областные, городские, районные и сельские Народные советы в Румынии.

Выборы показали огромный патриотический подъем и политическую активность населения обеих придунайских стран. По предварительным подсчетам, в голосовании приняли участие почти все зарегистрированные избиратели. В Болгарии их число составило 99,53 процента, а в Румынии — до 98,45 процента от общего количества избирателей. За кандидатов болгарского Отечественного фронта проголосовало 99,80 процента и за кандидатов румынского Фронта народной демократии — до 98,85 процента избирателей, участвовавших в выборах.

Итоги выборов еще раз показали монолитное единство болгарского и румынского народов в борьбе за дальнейшее укрепление лагеря мира и демократии, за торжество мирного труда и счастливой жизни.

Пристально наблюдали наемные писаки американских империалистов за этими выборами. Кое-кому на Западе, видимо, оказались не по сердцу организованность и единодушие избирателей. И писаки прибегли к излюбленному приему: лгать!

«В Болгарии происходит голосование на выборах в новое Народное собрание, — вещало 21 декабря лондонское радио. — Имеется один список кандидатов, выдвинутый коммунистическим Отечественным фронтом. Избиратель, который не проголосует, будет приговорен к тюремному заключению или к штрафу».

«Вчера в Румынии, — надрывалось вслед американизированное радио Франкфурта-на-Майне, — происходили выборы в местные органы власти. На выборах были выдвинуты только списки коммунистических кандидатов»...

Всем известно, что Отечественный фронт в Болгарии и Фронт народной демократии в Румынии, выставлявшие своих кандидатов на выборах, — это массовые, всенародные организации. И нет ничего более понятного, чем желание тружеников Болгарии и Румынии послать в органы своей власти лучших людей — коммунистов, членов Рабочей партии, представителей других организаций, беспартийных трудящихся. Об этом красноречиво говорят списки избранных депутатов. Например, из 135 220 депутатов, избранных в Народные советы Румынии, 24,67 процента — женщины, 42,95 процента — члены и кандидаты румынской Рабочей партии, 57,05 процента — беспартийные.

Задолго до 7 часов утра, когда открылись двери избирательных участков в Болгарии, и до 6 часов — в Румынии, трудящиеся с песнями и танцами уже собирались здесь, чтобы исполнить гражданский долг — отдать свой голос за угодных им депутатов.

Радовались старики, обретшие при народной демократии право свободно выражать свою волю. Радовалась молодежь, сознавая, что ей никогда не придется испытать унизительной жизни, какою жили их деды и отцы до освобождения. На выборах они спрашивали стариков: как было раньше?

— Как голосовали, говоришь? — отвечал вопросом на вопрос молодого избирателя Петра Сергиева 62-летний болгарин Лазарь Илков. И отвечал: — Ты стоишь перед ящиком и бюллетень в руках держишь, а за спиной у тебя жандарм стоит. Так и голосовали...

А румынская мать восьми детей Елена Циника, опустив бюллетень в урну, сказала:

— Раньше, когда «голосовали» под угрозой револьверов и дубинок, нас, женщин, не считали за людей. Мы не имели права голоса. Только народная власть дала нам это право. Мы используем его, чтобы проголосовать за наших дорогих кандидатов, за расцвет любимой родины, за счастье наших детей.

Впервые после веков жизни под игом жестокого гнета чужеземных душителей демократии народы, освобожденные Советской Армией, устраивают свою судьбу по собственному усмотрению. Режим народной демократии привлекает к управлению государством самые широкие массы трудящихся города и деревни. Болгария и Румыния, как и все страны народной демократии, учась у Советского Союза строительству подлинно демократического общества, добились таких успехов, о каких трудящийся любой капиталистической страны может лишь мечтать.

Знали ли Лазарь Илков и Елена Циника о клеветнических вымыслах лондонского и западногерманского радио? Да это и не имеет значения. Простые люди говорят о тех великих правах, какие дала им народная демократия. С ужасом вспоминают они те навсегда ушедшие времена, когда они были свидетелями «выборов», проводившихся по буржуазным образцам.

Нужно ли более убедительное обличение дезинформаторов и клеветников?

Вл. ФЕДОРОВ

КОРЕЙСКИЙ ДНЕВНИК

НА ИСТЕРЗАННОЙ ЗЕМЛЕ

...Я покидал чудесный Пекин поздним октябрьским вечером. Ярко освещенный, неповторимый в своем своеобразии город остался позади.

В вечернем тумане исчезла знаменитая площадь Тяньаньмынь. Остались позади пекинские фабрики и заводы — творение рук освобожденного народа, и древняя стена Храма Неба, прижавшись к которой два человека, разделенные несколькими сотнями метров, могут разговаривать друг с другом, не повышая голоса, будто по телефону. Утонул в сумраке волшебный парк Ваньшоушаня — некогда летней резиденции китайских императоров, а ныне места массового отдыха трудящихся Пекина, и каменный корабль на озере Кунминху.

Пекин, шумный, многокрасочный, ни на что не похожий Пекин остался позади. Теперь поезд мчит на север через Мукден к Аньдуну — городу, расположенному на границе с Кореей.

Границу мы переезжали на рассвете. Наша автомашина проскочила под аркой большого железнодорожного моста и встала, как вкопанная, перед шлагбаумом китайской пограничной заставы. Четверо солдат в зеленых ватных штанах, в стеганых куртках, туго перепоясанных желтыми ремнями, в шапках рыжего и белого меха, стояли у шлагбаума. Это были совсем еще молодые на вид солдаты, и на их лицах великолепно уживались строгость и улыбка одновременно.

— Сулянь? — спросил один из солдат, принимая мой краснокожий паспорт, и добавил: — Хао!

Я уже знал, что «сулянь» означает «советский», а «хао» — «хорошо». Передав мой паспорт вышедшему из караульного помещения офицеру, он снова взглянул на меня. Строгость с его лица исчезла, осталась лишь широкая молодая улыбка. Солдат сказал громко и раскатисто:

— Харр-ра-со, — и протянул мне руку.

...Мы едем по мосту через Ялуцзян, знаменитую реку, из которой столько раз грозился зачерпнуть воды своим американским шлемом престарелый предатель Ли Сын Ман. Мы едем по мосту, одному из тех двух мостов, что в течение долгих месяцев служили объектом бесконечных атак злобной американской авиации. В лощине за мостом — корейская погранзастава. Нас встречают корейские солдаты, люди в той самой прославленной военной форме, в которой они три года сражались с жестоким врагом свободы и независимого человеческого существования.

Трудно выразить словами чувство, охватившее меня в этот момент.

Сияло солнце на безоблачном небе. Да, корейцы могут гордиться своим очищенным от фашистской нечисти небом. Но человеку не свойственно долго смотреть вверх. Взгляд его обычно обращен на окружающее. И чувство великой горечи охватит человека, обратившего свой взгляд к этой земле. Его окружают руины.

Пограничный город Синыйчжу, небольшой, но цветущий некогда город, ныне не существует. Он разрушен. Впереди — горы, горы. Они окружают нас со всех сторон, обрывистые, пологие, остроконечные, то заслоняющие горизонт, то расступающиеся, чтобы на мгновение мы могли бы увидеть безоблачное, сливающееся с землей небо.

На дорогах — оживление. Мороз около пяти градусов, но люди одеты очень легко. Идут мужчины в синих куртках и белых, перехваченных у щиколоток, шароварах и резиновых туфлях-камусинах. Идут женщины в своих традиционных белых и коротких, выше талии, кофтах, завязанных на груди, в широких белых юбках, из-под которых выглядывают шаровары, идут, неся на головах тюки — соломенные мешки, корзины, привязав к спине широким полотнищем ребенка. Едут повозки, двухколесные высокие арбы, запряженные волами, непрестанно позвякивающими неизбежными колокольчиками, прикрепленными к постромкам, мчатся, подпрыгивая на ухабах, грузовики.

Рис, рис, рис! Все везут, несут, тащат рис, собранный недавно. Рис упакован в соломенные мешки. Мешки сдают на заготовительные пункты — длинные, деревянные, крытые соломой сооружения, расположенные тут же у дороги.

Бесконечно, один за другим, следуют мосты и мостики. Высокие подвиги мужества и самоотверженности совершались здесь во время войны. Здесь несли круглосуточную охранную службу крестьяне, здесь же, у мостов, в шалашиках, жили, здесь же, под огнем вражеских самолетов, озаряемые призрачным светом осветительных ракет, когда кажется, что ты виден, как на ладони, предупреждали шоферов, везущих боеприпасы, о том, что мост только что разбит и надо ехать в обход. Теперь охраны нет. Проход и проезд по этим мостам свободны. Но те ли это мосты? Ведь они почти все новые, пахнущие свежевыструганным деревом! Недавно установленные, поблескивающие краской указатели сообщают, что проезд по этому, например, мосту разрешается с грузом не более чем в пять тонн.

Идут люди, неся на головах соломенные мешки с рисом, так же, как совсем недавно несли ящики с боеприпасами, соединяя фронт и тыл живой человеческой цепью.

Вдоль дороги раскинулись поселки и просто отдельные домики. Я не хочу ничего приукрашивать и преуменьшать. Условия человеческого существования здесь пока еще очень, очень трудные. Ведь всего лишь короткие месяцы прошли с тех пор, как крестьяне вышли из выдолбленных в горах убежищ.

Сейчас жители Северной Кореи ходят с гордо поднятыми головами. На лице каждого, с кем мы, советские люди, ни встречались взглядами, появлялась добрая, приветливая улыбка.

И это более чем понятно: ведь по той дороге совсем недавно промчались советские «зисы», груженные токарными станками, электрическими дрелями, автоматическим оборудованием для завода имени Ким Чака, механизмами и деталями для Супхунской ГЭС, присланными великим другом Кореи. После ночей мрака в этих жилищах-времянках уже вспыхнул электрический свет.

Реки, озера, ручейки, залитые водой рисовые поля... Некоторые из них уже покрыты коркой льда, но многие еще не скованы морозом. Зима здесь изменчива, и холода нередко сменяются оттепелями. Медленно опускается к вершинам гор солнце. И в зависимости от его положения на небе резко меняется окружающий нас пейзаж. Вот солнце стало большим, красным, низким, и силуэт неподвижно стоящего на сопке часового — китайского добровольца в стеганке и большой меховой шапке-ушанке — стал особенно четким, рельефным.

Смеркается. Все зеленое — деревья на горах, одежда солдат, все это становится темным, почти неразличимым. Серая поверхность бесчисленных, затопленных водой воронок и рисовых полей окрашивается в красный цвет, как будто бы там, под водой, вспыхнули костры. Легкий туман ползет из лощин и ущелий. Мгновение, и солнце скрылось за сопкой. Наступила темнота.

И тогда зажглись огоньки... Их было не так уж много, и светили они откуда-то из самых неожиданных мест — то ниже, то выше дороги, по которой мы ехали. Это были электрические лампочки. Корея — страна, очень богатая электроэнергией, и потребовались огромные усилия интервентов, чтобы лишить ее источников света. Но сейчас ток дан, и можно сплошь и рядом увидеть хижину, в которой ветер, продувающий сквозь хилые стены и крышу, покачивает зажженную электролампочку.

...В Пхеньян мы въезжали поздно вечером. Огромный город, разделенный на две части рекой Тэдонган, город, насчитывавший десятки тысяч домов и сотни тысяч жителей, превращен интервентами в груды камня. И если бы в понятие города входили только дома и улицы в обычном значении этих слов, то можно было бы сказать, что Пхеньяна не существует.

На следующее утро я долго наблюдал уличную жизнь города.

По расчищенным от камня и щебня магистралям снуют автомашины — грузовые «зисы», «победы» и «газики». Торопливо проходят пхеньянцы. Многие мужчины — с портфелями или сумками, женщины — часто с грузом на головах.

На горе Моранбон попрежнему незыблемо возвышается обелиск в честь Советской Армии, восемь лет тому назад освободившей Корею. На этой горе, как мне только что сообщили, ежедневно до наступления холодов вывешивали огромный экран, и тысячи зрителей смотрели советские и китайские кинофильмы. Сейчас я видел на Моранбоне большой подъемный кран и кирпичную кладку будущего театра. Переводчик поспешил с гордостью добавить, что кран этот — советский. Театр построят уже в будущем году.

Мы прошли по главной магистрали разрушенного Пхеньяна — проспекту Сталина, некогда шумному и оживленному, застроенному отличными домами. Теперь вдоль магистрали вырос на развалинах огромный поселок одноэтажных каркасных домиков. Некоторые из них строились буквально на моих глазах. Такой домик состоит из гаоляновой решетки, на которую ложатся глинобитные стены.

Как будет выглядеть новый Пхеньян, когда он восстанет из пепла? Ответ на этот вопрос я нашел в центральном проектном институте. Здесь мы повстречались с корейским архитектором товарищем Но Сик и советским архитектором Игорем Николаевичем Ратько — одним из тех наших специалистов, которые, по приглашению корейского правительства, приехали помочь восстанавливать страну.

Оказалось, что сегодня я не первый гость в институте. В комнате уже сидели китайские коллеги — корреспонденты пекинского радио и журнала «Новое обозрение». Все вместе мы выслушали увлекательный рассказ о новом Пхеньяне.

Строительство города рассчитано на пятнадцать-двадцать лет. В нем будут жить около миллиона человек, и дома будут в основном пятиэтажные...

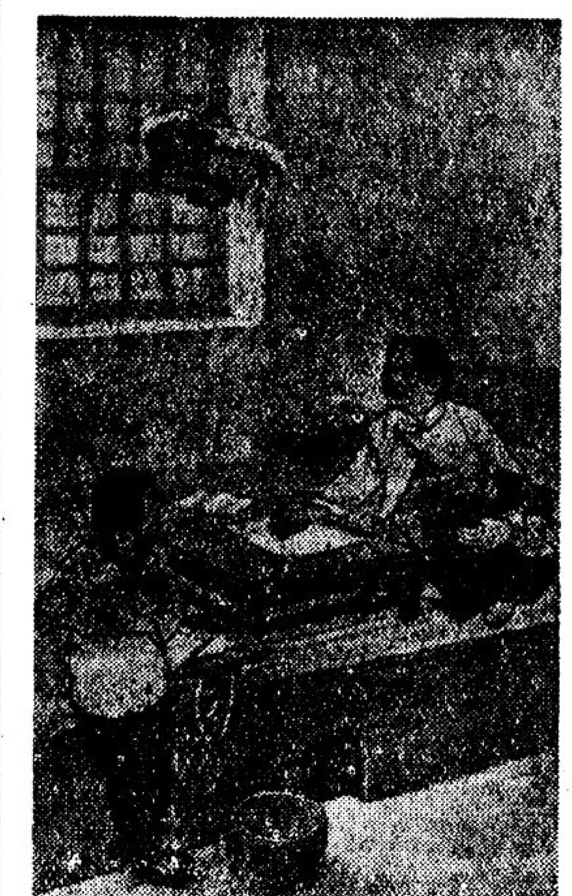
Александр ЧАКОВСКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»
ПХЕНЬЯН

На расчистке одной из улиц в Пхеньяне

ПО СТРАНИЦАМ КИТАЙСКОЙ ПЕЧАТИ

Выставка живописи в Пекине

...На кане, за низеньким столиком сидит молодая женщина. Ее гладко причесанные черные волосы аккуратно заколоты. Одной рукой она прижимает к груди ребенка, другой — держит карандаш. Возле нее — дочь-пионерка с учебником в руках. У девочки смеющееся лукавое лицо. Она спрашивает у мамы урок — новые иероглифы.

Картина «Проверим маму» художника Цзян Яня была выставлена на Всекитайской выставке живописи в Пекине. Картина Цзян Яня, по словам газеты «Жэньминь жибао», может служить выразительным примером наследования и развития лучших традиций реализма.

Китайская печать отмечает также ряд других картин выставки, правдиво изображающих жизнь нового Китая. Среди них — «Лето» художника Е Цянь-юя. Крестьянин стоит среди выращенной им кукурузы. Листья ее широкие, сочные, она в полтора раза выше человека. Крестьянин горд и счастлив. Художник органически подчинил все элементы композиции раскрытию душевного состояния созданного им образа свободного труженика китайских полей.

Большой интерес зрителей вызвало также «Утро в горах Цилянышань» Дун Сивэня. Мастерски написан художником рассвет в северных горах. Громоздящиеся каменистые скалы, покрытые холодными снегами, красивы суровой и величественной красотой. На фоне громадных скал изображены разведчики земных недр страны. Они водрузят свои флаги на кажущихся неприступными вершинах, разведают богатства недр, хранящиеся под окаменелыми пластами...

К достижениям китайской живописи критикой отнесены также картины Ху Жосы — «Подарок народа Синьцзяна главнокомандующему Чжу Дэ», «Народный герой Хуан Ди-гуан» Дун Тина, «Помощь фронту Лю Цзы-дю, «Весенний дождь на реке Лицзян» Сюй Бэй-хуна, «Лес» Ли Юн-цая, «Иволга» Ван Шень-шена и произведения выдающегося китайского художника Ци Бай-ши, чье 93-летие отмечала страна в этом году.

Более двухсот художников Китая было представлено на выставке. За месяц с ней познакомились десятки тысяч человек.

Л. ПЬЯНОВА

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ МИРА

ДЖОН БЕРНАЛ

Начало жизненного пути одного из крупнейших ученых нашего времени, ныне лауреата международной Сталинской премии мира — Джона Десмонда Бернала — типично для представителя английской интеллигенции. Он родился в 1901 году в маленьком ирландском городке Ненаг в семье, где были сильны католические традиции. Однако в годы ученья Бернал примкнул к передовой части студенчества, которая бурлила под влиянием вернувшихся в университет недавних фронтовиков, многое понявших на войне, выковавших свои демократические убеждения.

До 1927 года главный интерес жизни молодого ученого был связан с разработкой новых методов исследования кристаллов. За первыми успехами в расшифровке структуры графита последовала серия блестящих открытий, положивших начало исследованию структуры кристаллического состояния многих из таких сложнейших веществ, как гормоны, вирусы и белки. Параллельно с углубленной научно-исследовательской работой происходило формирование и общественных взглядов ученого. Бернал становится активным борцом за передовые идеи нашего времени. Он принимает участие в организации Всемирной федерации научных работников, позднее становится членом Бюро Всемирного Совета Мира и членом Английского комитета мира.

Деятельность Бернала в защиту мира тесно связана со всем его мировоззрением неустрашимого борца за передовую науку. Его подход к науке исполнен реализма. Это подход человека, непосредственно испытавшего и тяготы и радости кропотливого лабораторного исследования, человека, познавшего труд экспериментатора, по каплям добывающего мед знания. Его работа позволяет совершенствовать цементы и выяснять новые свойства полупроводников, необходимых для создания фотоэлектрических автоматов. Она открывает секреты минералов и приближает к познанию тайны строения живого вещества. Бернал мечтает о том, чтобы действенная и активная наука, смело вторгающаяся в жизнь, во всем своем бесконечном разнообразии превратилась в составную и неотъемлемую часть жизни и труда каждого человека.

Бернал — глубокий и искренний оптимист. С горечью он говорит, что никогда прежде человечество не испытывало столько страданий и такого страха, как в наши дни. Но он тут же добавляет, что в то же время ни одна эпоха не открывала столько возможностей для лучшей жизни. Вместе со многими своими собратьями по научному труду профессор Бернал с возрастающей тревогой следит за тем, как в странах капитала научные исследования все более и более приспособляются к военным нуждам. Радиолокация, ракеты дальнего действия, атомные и водородные бомбы, радиоактивные отравляющие вещества и последнее извращение науки — бактериологическое оружие — этим занимается все большее и большее число ученых, которые могли бы использовать свои знания в мирном строительстве.

«В настоящее время судьбы науки в капиталистических странах находятся в руках тех, кто ненавидит мир, чьей единственной целью является обречение людей на муки и смерть ради сохранения своих прибылей», — говорил он, гость из Англии, с трибуны Всесоюзной конференции сторонников мира в Москве в 1949 году.

Бернал воюет не только с узурпаторами знания, с теми, кто цинично пропагандирует войну. Он воюет также и с отчаявшимися — за них самих.

Всем, кого мучает вопрос: «как быть?» — он дает ясный совет — обратить свой взор туда, где наука уже больше не служит капиталистам, а является достоянием всего народа, где народ использует ее для создания прекрасного и счастливого будущего. Он сам с настоящей любознательностью друга, не желающего что-либо принимать на веру и вырабатывающего свои представления на основании длительных и тщательных наблюдений, изучает картины строительства новой жизни. И вот его выводы: с радостью и надеждой он отмечает, что в Советском Союзе и в других странах, где люди отдают все силы своего ума, своего творческого труда во имя общего блага, растет новая культура, новая духовная жизнь. Здесь — источник его великолепного оптимизма. Этот мир, расцвету которого он радуется всей душой, не признает неизбежными болезни, нужду, невежество, стеснения и тяготы жизни, не считает неизбежной самую войну. Этот мир основан на убеждении в возможности безграничного развития всех производительных сил земли, всех способностей человека и в первую очередь развития всех возможностей, таящихся в науке.

Призывая ученых принять на себя свою долю ответственности за судьбы мира, Бернал стремится разбить стену кастовой изолированности, которая планомерно и сознательно воздвигается между ученым и народом в капиталистических странах.

«По характеру своей деятельности, — пишет Бернал в статье «Наука против войны», — научные работники связаны с другими представителями умственного труда, а по результатам — также с рабочими и населением в целом».

Бернал — верный сын Англии. В постигших его родину тяжких испытаниях во время второй мировой войны он мужественно и спокойно исполнял свой долг антифашиста и патриота, объединяя усилия сотен исследователей, усилия, направленные на оборону Британских островов от разрушителей Ковентри, детоубийц из гитлеровских воздушных эскадр. Газеты, владельцы которых ныне не брезгают никакими средствами, чтобы очернить его светлое имя, в то время захлебывались от похвал постоянному научному советнику исследовательского отдела министерства национальной обороны.

Ныне патриот Бернал с непоколебимой решимостью и упорством отстаивает интересы родной науки, независимость английской экономики от натиска американских монополий. В своих социологических этюдах, глубоких по содержанию, блестящих по форме, он доказывает, что действительные интересы ученого тесно связаны с интересами всего народа, с созданием в Англии такой экономики, которая строилась бы с учетом ее будущего развития.

Его призывы «объяснить многим миллионам и сотням миллионов людей необходимость сохранения мира и возможность обеспечить его» не только освещены ясной мыслью, но и согреты пламенем чувства. В той программе, за которую Бернал борется и которая широко очерчена в его многочисленных выступлениях и в таких трудах, как «Роль науки в обществе», «Наука на службе человечества» и других, мы находим слова, приобретающие ныне особое значение. «Действительные намерения правительства, — пишет Бернал, — проверяются не тем, что оно говорит своему народу о целях своих вооружений, а тем, поддерживает оно или нет планы достижимого всеобщего разоружения».

Ученый говорит от имени миллионов людей доброй воли. Эти люди составляют ныне могучее движение сторонников мира, единодушных и непоколебимых в своем стремлении запретить атомные бомбы и все другие способы массового уничтожения людей. Отмечая сегодня ту роль, которую сыграл в укреплении этого единодушия скромный английский ученый, солдат мира Джон Д. Бернал, мы с теплой признательностью вспоминаем его прекрасные слова: «Только защищая мир, наука вновь обретет свое подлинное назначение, а народы смогут вновь доверять ей и участвовать в научной деятельности во имя общего блага».

Академик А. ОПАРИН

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-58, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03863.